

Наталья Нестерова

Позвони в мою дверь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=126241

Позвони в мою дверь: Астрель; Москва; 2012

ISBN 978-5-17-049013-4, 978-5-271-19251-7, 978-5-17-048719-6, 978-5-271-19252-4

Аннотация

Много ли мы знаем о людях, которые живут на одном этаже с нами?

Для измученной матери двух крошечных близнецов жизнерадостный сосед, преуспевающий бизнесмен, – как человек с другой планеты. Дорогие машины, красивые женщины, шумные праздники – это странный чужой мир, в котором нет места усталым отчаявшимся женщинам. Если бы не ситуация полной безысходности, она бы никогда не позвонила в соседскую дверь.

Но это только сказки заканчиваются тем, что Золушки становятся принцессами. А в жизни приходится сталкиваться с трудностями, о которых не предупреждают феи-крестные. Например, с проблемой выживания в офисе и кризисом среднего возраста у любимого мужа.

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
Глава 2	32
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Наталья Нестерова

Позвони в мою дверь

Памяти моей мамы Нестеровой Александры Семеновны

Любые совпадения с реальными людьми, компаниями, событиями являются случайными.

Часть первая

СОСЕД

Глава 1

Звонок Зина не слышала. Он ей снился. Какой-то идиот давил на кнопку в два часа ночи.

– Тише, – увещевала его Зина во сне. – Если разбу дите Ваню, он захнычет, а Саня тут же отзовется ревом.

А я спать хочу! Боже, как я хочу спать!

Звонок не умолкал. Зина встала и босиком потопала в прихожую. Она припала к дверному глазку, но ничего не увидела. Потом сообразила, что забыла открыть глаз. С трудом разлепила веки: на площадке, округленный маленькими линзами глазка, стоял толстый мужик. Зина узнала нового соседа. Она открыла дверь и уловила от покачнувшегося визитера винно-одеколонный дух. Он оторвал руку от звонка, потерял равновесие и едва не тюкнулся в Зину.

– Тише, – пробормотала она.

– Добрый вечер, то есть ночь. Извините за беспокойство, – громко и весело пророкотал сосед.

– Тише, – поздоровалась Зина.

– Можно у вас одолжить телевизор?

– Тише! – Других слов Зина не помнила.

Она развернулась и пошла в комнату. Ее не удивила просьба, сейчас ее ничто не могло удивить.

За возможность поспать она отдала бы не только телевизор, но и пылесос, сервант, годы жизни и душу.

Сосед запутался в пеленках, которые сушились по всей квартире на веревках.

– О, черт, где вы тут?

– Здесь, тише. – Зина ткнула пальцем в угол на телевизор. – Вот.

– Спасибо, я завтра обязательно верну.

– Тише.

– У вас дырочка на рубашке, – пьяно пролепетал сосед.

Он игриво пощекотал Зинину спину, забравшись пальцем в прореху.

– Тише...

«Действительно, забыла зашить, – подумала Зина. – Вдруг он уронит телевизор? Только этого не хватало». Она отстранилась и еще раз показала в угол:

– Вот телевизор, только тише, пожалуйста.

– Для первого знакомства наше общение исключительно плодотворно. – Сосед даже не пытался понизить голос.

– Тихо. – Зина умоляюще приложила палец к губам.

Сосед обхватил телевизор и потянул на себя, не отсоединив провода. Два кабеля, электрический и антенный, натянулись, оборвались и поволоклись по полу. Зина пошла в прихожую. У входной двери стояла прогулочная коляска близнецов, загораживая проход. Чтобы помочь выбраться из квартиры человеку с большой ношей, нужно было совершить маневр: отодвинуть коляску, стать в угол, задвинуть коляску, открыть дверь. Прodelывая эти манипуляции, Зина свободной рукой сняла с лица чертыхающегося соседа мокрую распашонку, которую он по дороге подцепил с веревки.

– Тише, тише, – шептала Зина.

– Ваш словарный запас меня потряс, – сказал сосед на прощание.

Захлопнув дверь, Зина вернулась в спальню. Впереди еще по меньшей мере четыре часа сна – роскошь! На секунду она задержалась у детской кровати. Ваня и Саня лежали на спине, ручки согнуты в локтях и подняты вверх, словно по команде «сдаемся». Сердце у Зины сладко сжалось и кувыркнулось – оно научилось этим кульбитам весной девяносто первого года, когда родились мальчики.

* * *

На следующее утро, увидев сиротливое пятно пыли на тумбочке для телевизора, Зина обозвала себя дурой. А если бы он с ножом пришел? Изнасиловал ее? Нет, таких, как она, не насилюют. Зина почему-то была уверена, что над человеком, усталым до отупения, нельзя надругаться.

– Утащить среди ночи телевизор, – сказала она вслух. – Бедный какой, своего нет.

Назвать толстяка бедным можно было только с издевкой. По информации соседей, он купил однокомнатную квартиру за шестьдесят тысяч долларов, ремонт ему делали югославские рабочие, мебель вся новенькая, разъезжает на иностранном автомобиле.

Словом, вряд ли считает каждую копейку. В отличие от Зины. Она в последнее время питается только картошкой и макаронами. Малышам пока достаточно двух яблок в день. Но скоро понадобится больше фруктов и надо будет отлучать их от груди.

Мужу не выдают зарплату четыре месяца.

Чужое вальяжное благополучие рядом с собственной нуждой Зину не раздражало, у нее не было времени задумываться о подобной несправедливости. Она вспоминала о соседе, только когда за стеной гремела музыка или слышался громкий женский смех, да злилась из-за долгого ремонта: запах лаков и красок витал на ее балконе и туда нельзя было вынести малышей.

Никогда прежде Зина не смотрела так часто на часы. Теперь циферблат припечатался к ее сознанию как переводная картинка к пасхальному яйцу.

Раньше часы показывали время: семь утра, час дня.

Теперь сигналили: кормление, стирка, прогулка, снова кормление, утюжка, приготовление еды, кормление, уборка, купание, кормление. Две строгие стрелочки руководили ее жизнью, и Зине казалось, что с утра они бегут веселее и быстрее, к ночи – передвигаются медленно и тяжело, как ее усталое тело. Она трудилась не на износ, износ давно кончился. Но ради своих малышей она бы делала тупую, примитивную, в песок утекающую работу и на четвереньках.

Зина услышала призывное чмокание, подошла к кровати. Саня и Ваня скатились на середину и лупили друг друга ладошками.

– Это кто тут дерется? – притворно строго спросила Зина.

Она подняла Ваню и отложила в сторону.

– Кто зачинщик? Опять ты, Санечка? – Зина распеленала его. – Ах, он еще и мокрый! И ты тоже? – Зина сняла пеленки с Вани. – Очень хорошо, общественный туалет устроили и деретесь. Ну, я вам сейчас покажу!

Она щекотала и массировала их пухленькие тельца, целовала их и смеялась вместе с ними.

Ни вечером, ни на следующий день, ни через неделю сосед телевизор не вернул. Зина с отвращением думала о том, что придется самой идти к этому нахалу и алкоголику, но все откладывала. Однажды они столкнулись на лестничной клетке. Сосед болтал какую-то чепуху и ни словом не обмолвился о ее телевизоре. Подобная беспардонность – хоть бы извинился, что вещь задерживает, – настолько изумила Зину, что она не нашлась что сказать.

* * *

Петров проспал и опаздывал на важные переговоры. Лифт не работал. Спускаясь по лестнице, он рассчитывал: если на Садовом кольце не будет пробки, может успеть или опоздает на пять минут. Пять минут они подождут.

На первом этаже у лифта стояла девушка с широкой коляской для близнецов.

Петров сначала не узнал Зину. У нее было незапоминающееся лицо – никаких дефектов, но и никакого шарма. Взгляду не за что зацепиться. Сейчас она хмуро трясла коляску, в которой плакали младенцы.

Соседка, вспомнил Петров. Кажется, у нее не в порядке с головой. Два дня назад столкнулся с ней у мусоропровода, и она уставилась на него так, словно он обещал на ней жениться и не сдержал слово. Петров весело заметил, что, мол, не верит в приметы насчет пустых ведер. Но соседка не отреагировала и продолжала пялиться. Тогда он растянул губы в самой обворожительной из своих улыбок. Дамочка скривилась так, словно он выругался. Чокнутая, решил Петров, надо держаться от нее подальше.

Зина уже полчаса маячила у лифта. Они вернулись с прогулки и оказались отрезанными от квартиры – добраться на пятый этаж можно было только на лифте. На сетчатом днище коляски лежали продукты, купленные на рынке у метро: капуста, картофель, молоко, яблоки – добрых десять килограммов. Кормление задерживалось, и привыкшие к четкому режиму малыши протестовали дружным плачем. Она ругала себя за то, что решила погулять по бульвару. С улицы уходить не хотелось – стояли последние теплые дни бабьего лета.

– Вы не можете мне подняться в квартиру? – попросила Зина.

Она говорила в спину Петрову. Поздоровавшись, он протиснулся мимо коляски и быстро прошмыгнул к двери подъезда. Не успел. Услышав просьбу, он сморщился, но, когда разворачивался, изобразил на лице скорбь и раскаяние.

– Честное слово, страшно спешу, извините. – Петров развел руки в стороны и жалостливо улыбнулся.

Многодетная мать различать улыбки решительно не умела. На глазах заблестели слезы, и она отвернулась.

«Плохой дядя оставляет в беде несчастных младенцев и их плачущую мать-шизофреничку, – мысленно чертыхнулся Петров. – Пропади ты пропадом».

Он подошел к коляске:

– Как мы будем транспортироваться?

– Я возьму Ваню и Саню, – обрадовалась Зина, – а вы коляску, только она тяжелая. Если бросить здесь, обязательно стащат, несмотря на замок в парадном.

«А на другую у меня денег нет», – добавила она про себя.

«Голубушка, – подумал Петров, – мне дешевле тебе новую купить, чем пропустить сегодняшнюю встречу. Надо же – Ваня и Саня, вот деревня».

Коляска действительно была очень тяжелой и неудобной. Добравшись до пятого этажа, Петров решил, что без душа и смены рубашки ему теперь не обойтись.

Зина открыла дверь, и Петров увидел веревки с разноцветными пеленками, ползунками и прочей детской одежкой. Что-то в этой картине было знакомое. Наверное, видел в каком-нибудь итальянском фильме, где взбалмошная жена в окружении оравы вопящих ребятишек устраивает сцены мужу-ловеласу.

Петров посмотрел на часы: если позвонить прямо сейчас, возможно, успеет перенести встречу, потом заскочит домой и переоденется.

– Где у вас телефон? – спросил он. – Можно я позвоню?

– На кухне и в большой комнате, – сказала Зина. – Спасибо, что помогли. Дверь потом захлопните.

Она прошла в спальню, села на диван, расстегнула блузку и вытерла влажной салфеткой грудь – плохо, конечно, что не помылась в ванной, но там бродит сосед, а дети уже сипят от крика.

Зина приспособилась кормить обоих сыновей одновременно. Полулежа на диване, она подкладывала под спины детей подушки и устраивала их валиетиком у своей груди. Когда родная сестра Валентина впервые увидела их в этой позе, невольно сморщилась:

– Как свиноматка.

– Ничего ты не понимаешь, – ответила Зина.

Восемнадцатилетняя Валя не понимала, как можно радоваться тому, что твое тело превратилось в молочную фабрику, а сама ты больше напоминаешь животное, чем человека. Утверждение Зины, что кормление – единственный в жизни физический контакт матери и ребенка – есть суть материнства, оставалось для Вали абстракцией.

Петров стоял в проеме двери и наблюдал, как два пухлых сосунка, положив ручонки на небольшую, но крепко налитую грудь, иступленно втягивают в себя молоко. Их мать что-то ворковала, целовала то одну, то другую макушку. Лицо у нее было счастливо-отрешенное.

«Ясно, почему художников всегда тянуло писать материнство, – подумал Петров. – И никто, похоже, не добился успеха. Не догадывались дать в руки кормящей матери двух младенцев».

– Левый, кажется, халтурит, – сказал Петров вслух.

Зина подняла голову. Она не испугалась и не смутилась. Сосед видит в ней сейчас дойную корову. «Пусть, пусть усмехается, сытый купчина».

– Как там мой телевизор? – спросила Зина. – Не мелькает изображение? Звук не пропадает?

– Так это ваш? – воскликнул Петров. – Хоть убейте, не мог вспомнить, откуда он у меня взялся. Мы футбол хотели посмотреть, а мой телик накрылся.

– А мой?

– Ваш в порядке. Значит, вы столько времени на меня злитесь? Ведь сами не пришли, не попросили обратно.

– Ждала, когда придете за холодильником, чтоб уж вместе забирать. Только в следующий раз, когда вам понадобится бытовая техника, не ломитесь ко мне среди ночи, дождитесь утра.

– Договорились.

Петров продолжал посмеиваться, но Зине было не до смеха: нужно было заканчивать кормление. Зина быстро убрала грудь.

– По-моему, вы спешили, – намекнула она.

– И продолжаю, – ответил Петров. Но вместо того чтобы удалиться, подошел ближе и стал наблюдать за тем, как Зина меняет пеленки малышам. Он успел заметить, что соски у

нее странного ярко-розового цвета. «До крови, что ли, дети ранят мать?» Он не стал уточнять интимные подробности, кивнув на детей, спросил другое:

– Вы их различаете?

Каждый, кто видел близнецов, задавал Зине этот глупый вопрос. На ее взгляд, Ваня и Саня были совершенно разные.

– Различаю, привязываю тряпочки. – Она кивнула на забинтованный пальчик Вани.

Ванечка поранился, засунув пальчик в треснувшую пластмассовую игрушку.

– Ага, – хмыкнул Петров, – по утрам решаете: сегодня это Саня, и бинтуете.

– Наоборот.

– Ясно, на следующий день наоборот.

Кажется, сосед был настолько глуп, что принял ее слова всерьез.

Зина разогнулась, потерла рукой ноющую поясницу, собрала мокрые пеленки и пошла в ванную.

– Почему вы не пользуетесь памперсами? – спросил сосед.

«Потому что у меня нет денег на них», – мысленно ответила Зина.

– Считаю их вредными, – сказала она вслух. – Памперсы – это же постоянный компресс. Яички у мальчиков перегреваются, могут воспалиться, потом детей у них не будет.

Эти аргументы она вычитала во время беременности в одном журнале. В статье их как раз опровергали.

– Сейчас самое время заботиться о потомстве Вани и Сани, – усмехнулся Петров. – Как вас зовут?

– Зина.

– Редкое имя, какое-то деревенское. Меня кличут Петров.

– А вам с именем так не повезло, что произносить его стесняетесь?

– Верно. – Петров опять улыбнулся. – Меня зовут Павлом. Народ имеет обыкновение использовать вариант Паша, а он мне не нравится. Потому что напоминает уборщицу тетю Пашу из нашей школы. У меня с ней не сложились отношения.

– Вы, наверное, брали у нее швабры и забывали вернуть.

– Да принесу я ваш телевизор, вечером принесу. А с головой у вас, кажется, все в порядке, – сказал Петров, прощаясь.

– Не могу сказать то же самое о вашей, – тихо ответила Зина уже в закрытую дверь.

Краем уха она услышала характерную возню и пошла разнимать драчунов.

* * *

Петров окончил мехмат МГУ. В дипломе его специальность называлась «математик». Лет с шестнадцати его страстью, хобби, смыслом жизни, его наркотиком были компьютеры. Он сам их собирал, настраивал, ремонтировал, осваивал новинки. У них была замечательная компания. Нищие, голодные, слегка сумасшедшие приверженцы дела, в котором мало кто тогда смыслил, они были своего рода сектой, которую никак не тревожили ни застой, ни перестройка. В конце 80-х годов, когда компьютеризация страны набрала ход, их знания приобрели большую значимость и цену вполне материальную. Компания распалась, все растеклись по фирмам и кооперативам. Нет, не все. Кто-то не смог поменять жизнь богемную на конторскую, пропал, сгинул, спился. Петров не пропал. Ныне он был вице-президентом большой фирмы, которая выпускала компьютеры, держала сеть магазинов, разрабатывала программы. За пять лет он из полунищего младшего научного сотрудника превратился в преуспевающего бизнесмена.

На работе Петров слыл бабником. Ему было тридцать лет, он был не женат, с легкостью распространителя бесплатной рекламы делал женщинам комплименты, а его секретарша Леночка обладала внешностью супермодели.

Когда два года назад менеджер по кадрам прислал Леночку к Петрову, он со вздохом подумал, что забавная репутация дамского угодника сослужила ему плохую службу.

– С вашими данными, – сказал он тогда Лене, – бессмысленно работать, быть умной и вообще мыслить. Вы можете ходить по миру и собирать деньги за то, что на вас смотрят. По десятибалльной системе я бы вам вы ставил девять с половиной – ну чтобы хоть мизер оставить для идеала. Мне же требуется рабочая лошадь, а не выставочный образец. Экстерьер моего секретаря ровным счетом ничего не значит в сумасшедшей и, смею вас уверить, очень напряженной работе. Если вы сможете трудиться на пять с половиной, я буду рад и доволен. Но если ниже... Леночка, отправляйтесь лучше в Дом моделей. Подиум без вас рыдает. Таковы условия.

Ее ответ продемонстрировал некое наличие интеллекта:

– Согласна. Пять с половиной, и вы без моего позволения под юбку ко мне не полезете.

– О, этот пункт я упустил, – усмехнулся Петров.

– Шесть с половиной – и без домогательств, – торговалась девушка.

– По рукам, – рассмеялся Петров и напомнил: – Без вашего согласия. Не хотите сегодня со мной поужинать? Нет? Значит, в следующий раз. Испытательный срок два месяца.

За два года Леночка добралась до семибалльного уровня.

Странно было предположить, но она умела работать и действовала с четкостью метронома и ловкостью карманника.

Петрова (да и саму Леночку, иначе зачем бы она так наряжалась) забавляло, как реагируют на нее новички. В юбке, которая больше напоминала набедренную повязку, с длинными ногами, львиной гривой золотистых кудряшек и красиво-порочным лицом, она походила на девицу легкого поведения, случайно перепутавшую панель с канцелярским столиком. Когда народ слышал ее змеиные колкости и сталкивался с въедливостью записной бюрократки, то переживал легкий психологический шок. В настроении недоуменной растерянности посетители оказывались в кабинете Петрова и невольно становились шелковыми.

Несколько раз Петрову совершенно серьезно предлагали Леночку продать, сулили большие деньги, если уговорит ее перейти в другую фирму. Он отшучивался – мол, у них заключено особое трудовое соглашение и вторая часть его пока не выполнена. Однажды он в самом деле провел разведку боем: после какого-то банкета заманил ее в кабинет и попытался поцеловать. Пощечина, которую она ему отвесила (не тыльной стороной ладони, а наотмашь, как надоедливой мухе), была весьма болезненна. Поглаживая щеку, Петров мрачно буркнул:

– Теперь я должен изречь: за эту оплеуху я уважаю тебя еще больше. Ну уважаю, и что? Куда ты денешь это уважение? На стенку в рамочке повесишь?

Леночка не сочла нужным ему отвечать. Она презрительно осмотрела его с ног до головы, пожала плечами и вышла, вызывающе покачивая бедрами. Следующий рабочий день они начали как ни в чем не бывало.

Петров не был влюблен в Леночку, но считал бы себя последним дураком, если бы не добивался такой красавицы.

* * *

Около восьми вечера Петров включил в кабинете телевизор и вспомнил о другом – том, который нужно вернуть соседке.

– Лен, ты еще не ушла? – нажал он кнопку переговорного устройства.

- Ушла.
- Тогда вернись. У тебя рабочий день ненормирован. Мне нужна игрушка для младенцев.
- У вас появились дети?
- Боже упаси, с ума сошла. Я своих топлю сразу по рождении.
- Почему для младенцев во множественном числе? Детский дом?
- Вроде того, два человечка.
- Близнецы?
- Верно. Сообрази что-нибудь оригинальное.
- Сто долларов, и деньги вперед.
- Ты выражаешься как продажная женщина.
- Порассуждайте на эту тему подольше, «Детский мир» закрывается через пятнадцать минут.

* * *

Если бы сосед не принес телевизор вечером, Зина бы не удивилась. Петров был существом из другой жизни, где благоухают одеколонами, ходят на работу и в рестораны, хронически высыпаются, читают книги и смотрят кино. В той жизни – Зина из нее давно выпала – можно давать обещания и не выполнять их, забывать, опаздывать, не обращать внимания на мелочи – и трагедии не произойдет.

В Зинином мирке упусти она что-нибудь, не сделай вовремя – случится нехорошее, пострадают дети.

Не выстирала она пеленки – не во что их переодеть, не искупала – появились опрелости. Стрелки часов строго контролировали ее обязанности и за нарушение режима карали дополнительной работой и лишением сна.

Кроме того, телевизор она смотрела редко. Если выдавалось время, включала его, но через три минуты засыпала, то же самое происходило с книгами: полстраницы – и задремала.

Петров телевизор принес. И вместе с ним большую яркую коробку.

Зина была одета в застиранный ситцевый халатик.

– Дырка на рукаве, – вежливо указал ей Петров. —

О, теперь я вспомнил, что действительно был у вас.

«Он решит, что я неряха, вечно в прорехах, – подумала Зина. – Ну и пусть, плевать, у меня времени на себя нет».

– Что это? – Она указала на коробку.

– Подарок.

– Мне не нужны никакие подарки.

– Вам, – Петров мысленно вставил «такой неряхе», – я бы не стал делать подарки. Это Ване и Сане.

– Все равно.

– Все равно мы посмотрим, что придумали братья-капиталисты. – Петров распечатал коробку и начал вынимать из нее пластиковые детали.

Он провозился полчаса, собирая конструкцию.

Зина невольно включилась и стала ему помогать.

Игрушка напоминала по форме люстру, с которой свешивались на веревочках забавные маленькие зверьки. Люстра вращалась каруселью, тихо играла музыка, и в круговых движениях фигурок было что-то завораживающее. Разноцветных зверюшек на карусели можно было менять, специальный пульт регулировал скорость вращения и громкость музыки.

– Здорово! – признала Зина.

– Ничего подобного не видел, – согласился Петров. – Во времена моего младенчества такого не было.

– Спасибо. Мне жутко неловко, это, наверное, стоит кучу денег.

– Наверное, но мне досталось бесплатно, подарил зарубежный партнер.

«Зачем я это? – Петров удивился своему вранью, но быстро нашел ему объяснение: – Не хочу, чтобы она расценила игрушку как знак особой доверительности и протоптала дорожку к моей квартире со своими проблемами. Или благородный вариант: избавил ее от неловкой признательности».

– Он решил, что у меня есть дети. Зина, я похож на человека, у которого есть дети?

– Нет, – не задумываясь, ответила Зина.

– Теперь надо установить эту штуку над кроватью, – сказал он. – Сами справитесь или помочь?

– Справлюсь, – сказала Зина, но лицо ее изображало большое сомнение.

– Ладно уж, – усмехнулся Петров, – пошли доведем до конца.

В спальне они склонились над малышами.

– Кто сегодня Ваня? – спросил Петров.

Теперь Зина не обиделась на вопрос.

– Они же совершенно разные, – тихо проговорила она. – Посмотрите: у Сани личико шире, носик более вздернутый и бровки повыше. А у Вани губки пухленькие. Видите?

– Вижу, – опять соврал Петров, – очень отличаются. Не хотите переложить их на диван? Я боюсь разбудить.

Зина переносила детей и думала о том, что сосед вовсе не толстяк, как ей показалось вначале. Просто широкий, коренастый. Похоже, очень сильный. Здоровяк, кирпичи о макушку, наверное, разбивает. У него очень подвижное лицо, каждую фразу сопровождает новой гримасой. Писать портреты таких людей – мучение для художника.

«Девушка невзрачная только на первый взгляд, – рассуждал Петров, прилаживая кронштейн к кровати. – Вполне милая усталая мордашка. Только веет от нее тупым равнодушием к себе. Давно подобного не встречал. Женщина с выключенными глазами. Хотя если Таисию или Леночку заставить вот так одной кувыряться, еще неизвестно, как бы они выглядели. Кстати, почему одной? Где доблестный отец-производитель?»

– Зина, вы не замужем?

– Почему? Замужем, конечно. Игорь офицер, подводник, сейчас в плавании, еще два месяца его не будет.

– К тому же слепой и глухой?

– Что? – Зина удивленно округлила глаза.

– Не знаете такой шутки? Идеальный муж: слепой, глухой и капитан дальнего плавания.

Зина пожала плечами.

С юмором у нее явно нелады, решил Петров. «Понимаю этого капитана, – думал он, – мне бы на его месте тоже захотелось лечь на дно. И правильно я всю жизнь чурался брачных пут. Ходить среди пеленок, слышать вопли, видеть полутень вместо женщины – кошмар. Хотя бросить вот так любимого человека? Не знаю. Их дела».

– Жалованье военным не задерживают? – спросил Петров.

– Нет, все в порядке, – соврала в свою очередь Зина. – Вы карусель пока не вешайте, а то мальчики не заснут. Я утром сама доделаю. Еще раз спасибо.

Выходя из ее квартиры, ныряя под пеленками, Петров вежливо предложил:

– Если что-нибудь понадобится, приходите. Правда, я поздно возвращаюсь.

– Спасибо, мне сестра и бабушка помогают, справляемся.

* * *

Сестра Зины Валентина училась на втором курсе юридической академии на вечернем отделении, днем работала в прокуратуре делопроизводителем.

Пять лет назад, после гибели родителей, в большую трехкомнатную квартиру на Чистых прудах к внукам переехала бабушка Оля. Последнее время она много болела. Поэтому перед рождением близнецов решили, что Вале с бабулей лучше жить в бабушкиной однокомнатной.

Валя очень любила старшую сестру, обожала племянников, но уделять им много времени не могла. Она разрывалась между работой, учебой и бабушкой, которая уже редко вставала с постели. Зина понимала, что у сестры, по сути, тоже появился на руках ребенок и его надо было кормить, купать, лечить, развлекать беседами. И если Зина в награду за свои усилия получала радость от общения с растущими сыновьями, то Валя видела только, как тает дорогой человек.

Иногда Зина мечтала о том, как жили бы они с мамой и папой, не случись той авиакатастрофы. И в счастливую повесть, которую она мысленно сочиняла, почему-то трудно было втиснуть ее бурный роман в Севастополе с курсантом Игорем, беременность и скоротечное замужество. А вот Ваня и Саня вписывались хорошо. Мама и папа не могли нарадоваться внукам и брали на себя большинство забот.

Только после рождения сыновей Зину перестали мучить ночные кошмары, когда она слышала зовущий голос мамы: «Доченька!» – или папин: «Зинка-корзинка!». Впрочем, теперь она вообще редко видела сны.

* * *

В Нью-Йорке Петров купил подарки Ване и Сане не потому, что помнил о них или хотел сделать приятное Зине. Он как раз напрочь забыл о соседях: не сталкивался с ними почти два месяца, плача за стеной не слышал, так как имел обыкновение включать музыку сразу по прибытии домой и утром, едва проснувшись.

Потапыч, Миша Потапов, приятель и коллега, с которым Петров поехал в командировку, недавно стал дедом. Свою дочь, как говорил Петров, Потапыч родил в детском саду и там же оставил на попечение государства. Она пошла по стопам родителей и в девятнадцать лет родила девочку. Сорокалетний Потапыч и его жена весь неизрасходованный родительский запас обрушили на внучку Анечку, которую им с удовольствием подсунули молодые.

В большом универсальном магазине они бродили три часа, и Потапыч скупал товары для своей любимицы в таких количествах, что на таможне, уверял Петров, их примут за челноков.

Мысль прихватить что-нибудь для близнецов пришла Петрову, когда они добрались до отдела детского трикотажа. Петров сделал покупку за компанию, хотя ему больше хотелось за компанию удавиться или удавить Потапыча. Петров купил две вязаные пестрые шапочки с помпонами, их упаковали в яркий пакет и еще в придачу дали две маленькие мягкие игрушки.

* * *

Зина открыла Петрову дверь и тут же побежала в ванную.
– Проходите, мыкупаемся, извините, – проговорила она на ходу.

Петров остался с пакетами в прихожей. «Как дурак, – подумал он. – Скажу, что зайду позже. Нет, минутное дело, отдам и привет».

– Можно? – Он приоткрыл дверь ванной.

– Проходите, – разрешила Зина.

В наполненной на треть ванне Ваня с Саней сидели в окружении игрушек и колотили ладошками по воде.

– О, как ребята выросли. Богатыри.

– Правда? – Зина довольно улыбнулась. – А я вот не замечаю, только тяжеленные стали.

Они услышали звонок телефона. Зина просительно посмотрела на Петрова:

– Наверное, сестра. Бабушке сегодня вызывали врача. Вы не побудете здесь три минуты?

– Никаких проблем.

– Спасибо, главное, смотрите, чтобы они не утонули.

Зина вышла, а Петров присел на корточки и положил локти на бортик ванны.

– Ну что, орлы? Куда плывем?

Один из малышей подхватил игрушку и запустил ею в Петрова. Попал прямо в глаз.

– Ты что буянишь? Как тебя? Саня? Ваня?

И тут же получил от второго удар в другой глаз.

– Ребята, прекратите хулиганить! Давайте лучше гули-гули.

Близнецы ответили дружными шлепками ручек по воде. Через секунду в ход пошли и их ножки. Петрова забрызгало по пояс. Он поднялся.

– Вы просто специалисты по мокрым делам.

Вдруг один из малышей так высоко поднял ножки, что спина откинулась назад и затылком он плюхнулся в воду. Петров бросился к нему и быстро вытащил. Тут же тем же манером ушел под воду второй. Петров достал и этого.

– Спокойно! Дети подводника утонуть не могут, – уговаривал он прежде всего себя, потому что оцепенел от страха за детишек.

Петров держал малышей за плечи, они явно пытались заплакать, но пока только чихали и выплевывали воду. Испуг у Петрова не проходил. Вдруг он слишком крепко сжимает им плечи, еще синяки останутся? Но близнецы корчились у него в руках, попки их скользили по дну ванны, и они снова норовили нырнуть.

– Ребята, давайте жить дружно, – бормотал Петров. – Возьмите себя в руки! Кто это пытается плакать? А где у нас равновесие? А где у нас игрушечки? – еле слышно просипел он.

Вопрос неожиданно заинтересовал не то Ваню, не то Саню. Он взял резиновую рыбку и протянул ее. Петров руки не убрал, дар он принял зубами. Второй малыш тоже протянул игрушку – пластмассового зайца. Петров выплюнул рыбку и закусил зайца.

– Хорошие детки, – прогундосил он, не разжимая зубов. – Чем еще дядю покормите?

Когда вернулась Зина, у них царил полная идиллия: во рту Петрова уже по третьему кругу побывали все игрушки. Особенно ему не понравился красный кубик, который никак не удавалось захватить зубами. Ребятам его шлепание губами, напротив, пришлось по душе. Они по очереди толкали в него этот кубик и весело хохотали.

– Я вас не задержала? Спасибо большое, вы меня очень выручили. Вообще-то они очень спокойные, но иногда шалят.

– На редкость тихие дети, – сказал Петров, поднимаясь.

Зина не почувствовала его иронии, но Петров все-таки извинился:

– Да нет, правда, симпатичные ребята.

– А почему вы мокрый? Они вас забрызгали!

– Ничего подобного, это я сам. Зина рассмеялась: Петров сказал это как мальчишка, который выгораживает приятелей. Мокрое и слегка растерянное лицо соседа впервые показалось ей симпатичным.

– Вы что-то хотели? – спросила Зина. – Ванечка, не балуйся.

Она забрала у Ванечки синего крокодильчика, которого тот пытался засунуть брату в рот. Петров понимал недовольство Сани: крокодил горчил.

– Я был в командировке и привез вашим малышам сувениры – там, в прихожей, пакеты.

– Зачем? Спасибо, конечно, большое. Если вам что-нибудь будет нужно, не стесняйтесь и обращайтесь к нам. Я ведь целыми днями дома.

Выходя из квартиры соседки, Петров улыбался. Здорово он струхнул, когда ребята вздумали тонуть. И как ловко они заставили его плясать под свою дудочку!

* * *

Предложением Зины Петров воспользовался через несколько дней. Утром он занес ей ключ от своей квартиры и попросил отдать его симпатичной даме по имени Таисия.

Когда Зина в семь вечера открыла дверь на звонок и увидела Таисию, она почувствовала себя размытым черно-белым снимком какой-то полевой травки напротив цветного фото пламенеющей розы.

У Таисии были гладкие и блестящие черные волосы до плеч, большие продолговатые глаза, фарфоровая кожа и пухлые, подкрашенные алой помадой губы. Из-под воротника розового кожаного пальто двумя элегантными полосами на грудь спускался белый шарф.

Они общались секунд двадцать: поздоровались, Зина отдала ключ, попрощались. Из этого времени одна секунда потребовалась Таисии, чтобы оценить соседку Павла, – замарашка. Вспыхнувшее в ее глазах любопытство тут же погасло и сменилось равнодушным презрением, нисколько не скрываемым.

Зина вернулась в комнату и подошла к зеркалу. Сколько месяцев она в него не смотрелась? Конечно, по утрам и перед выходом на улицу причесывалась. Но вопросом: «Как я выгляжу? – очень давно не задавалась. – Может быть, сделать стрижку? Нет, дорого, и хвостик на затылке удобнее, никаких укладок». Она посмотрела на свои руки. Пальцы от стирки покраснели и распухли, ногти с детским маникюром, то есть коротко стриженные.

– Игорек, но ведь ты все равно меня любишь? – спросила она вслух.

Отражение в зеркале могло претендовать только на любовь слабовидящего мужчины, если у него украсть очки. С таким лицом только в очереди стоять да у корыта со стиркой.

– Ни-чи-во, – сказала Зина по слогам, отходя от зеркала. Подумаешь, Таисия. Лицо с обложки. Кукла. Кукол с черными волосами не бывает. Зина вздохнула и повторила: – Ни-чи-во! Вот мы вырастим, кренделей на голове накрутим, ногти накрасим и на шпилечках запрыгаем.

* * *

Таисии исполнилось сорок пять лет, но даже самые злобные завистники не могли дать ей больше тридцати. Муж Таисии был президентом крупного банка. Несмотря на экстравагантную красоту банкирши, мужики подваливать к ней опасались, берегли головы. Петров не побоялся. Они познакомились на банкете в ресторане «Националь».

Улучив минутку, он подошел к ней и заговорил просительным тоном тяжелобольного:

– У меня очень слабые мышцы шеи. Народ крепится и старается на вас не пялиться, а я не могу. Я еще не окривел? Ведь у вас добрая душа? Вы не хотите, чтобы у меня развился печальный дефект? Вас будет мучить совесть, если вы не протянете руку страждущему.

Крепость сдалась на удивление легко.

– И где я могу вас подлечить?

Лишаться жизни Петрову все же не хотелось, показываться в ресторанах с банкиршей он не собирался.

– У меня дома вполне госпитальная обстановка.

– Позвоните, – обронила Таисия и отошла.

Занятая светской жизнью и заботами о своей внешности, Таисия выкраивала для Петрова одно-два свидания в месяц.

* * *

Если сложить все время, которое Зина провела с Игорем за полтора года замужества, то получится чуть больше трех месяцев. Прошлым летом они познакомились в Севастополе, куда Зина приехала с подругой на каникулы после третьего курса художественного училища. Ей казалось потом, что в Игоря она влюбилась с первого взгляда, как только увидела на пляже в Херсонесе. Да в него и нельзя было не влюбиться. Внешности его могли бы позавидовать голливудские актеры: высокий, стройный, черты лица правильные – ни штриха не требуется, чтобы добавить мужского обаяния.

В Москве, обнаружив, что беременна, Зина вначале испугалась. Но постепенно ошеломляющая мысль обернулась предвкушением чуда. Чудо сотворили они с Игорем. Зина позвонила в Севастополь и сообщила Игорю новость уже в восторженном настроении. Ее не обидела его растерянность и отсутствие бурной радости, она помнила свои недавние страхи. Это пройдет, знала она. Любовь Игоря тоже усилится от сознания предстоящего отцовства. Разве неудивительно – появится человек, сотканный из их клеточек!

Медовый месяц съезжился до десяти дней – Игорь спешил в Североморск, куда получил распределение. Он тогда все время с удивлением рассматривал ее плоский живот и спрашивал, не ошиблись ли врачи. Начало семейной жизни омрачало решительное неприятие родителями Игоря его женитьбы. Они и на свадьбу не приехали. Игорь ушел в долгий поход, приехал на неделю уже после рождения близнецов, а затем на месяц в отпуск летом.

Зина отчаянно скучала без мужа, но насладиться его присутствием мешали заботы, связанные с детьми. На Игоря в последние приезды сваливались обязанности няни, Зининой помощницы. К вечеру они оба выматывались, и на душевное общение, о котором так мечтала Зина, не хватало сил. Разговоры в основном касались главной проблемы: где взять денег и как распределить те крохи, что получал Игорь.

* * *

Наступил октябрь, холодный и дождливый.

У Зины не было теплой обуви, и она гуляла с детьми в стареньких кроссовках. Совершенно не думала, что может простудиться, заболеть. Нелепо и предположить – кто же тогда позаботится о детях? И все-таки она заболела. Началось с першения в горле, потом добавилась кашель, озноб.

Как назло, близнецы тоже плохо чувствовали себя, отказывались есть, капризничали и много плакали. Зина сбилась с ног, успокаивая их. Дважды после тяжелых ночей она вызвала детского врача, но та велела больше вызовов не делать.

– У них режутся зубки, все нормально.

– Знаете, ночью они так кричали! Мне страшно стало.

– Так у всех. Вы сами заболели? Наденьте марлевую маску, чтобы детей не заразить.

В третью бессонную ночь Зина стала терять чувство реальности. То она обнаружила себя спящей на стуле и едва не выронила детей, которых держала на руках, то не помнила, где ванная, и никак не могла попасть в нужную дверь. Когда она услышала запах гари и увидела, что зачем-то включила утюг, испугалась и решила позвонить сестре.

И тут же зазвонил телефон.

– Зиночка, – плакала на том конце Валя, – бабушке очень плохо. Я вызвала «скорую», ее отвозят в больницу, мы сейчас едем.

– Очень хорошо, поцелуй их.

– Кого «их»?

– Поцелуй тебя и бабулю.

– Зина, с тобой все в порядке? Что ты делала?

– Я спала. Я очень устала. Ты мне позвони потом.

Комната стала медленно кружиться и оплавляться, словно карамельная. Зина услышала, как снова заплакали дети, но пошла не к ним, а к входной двери.

Петров, сонный, в трусах, открыл дверь на непрерывный звонок и не узнал Зину. Лицо ее закрывала белая марлевая маска, глаза закрыты.

– Чего надо? – грубо спросил он.

– Надо что-то делать, – пробормотала Зина и стала медленно оседать.

Он едва успел ее подхватить.

– Зина? Что с вами?

Она висела в его руках бесчувственной куклой. Петров взял соседку на руки и отнес в комнату, положил на постель, с которой только что вскочил.

Он понятия не имел, как надо обращаться с обморочными женщинами.

– Зина, очнитесь, – тормошил он ее. – Хотите воды?

Петров сбегал на кухню, принес стакан воды и побрызгал ей на лицо. Безрезультатно. Он вытирал с нее воду и почувствовал пальцами горячую кожу.

– Я вызову «скорую», – сказал он. – Вы вся горите.

– Дети и бабуля – это сейчас самое важное, – прошептала Зина, не открывая глаз. – Им плохо.

– Что? Что вы сказали?

Но она опять отключилась. Дети? Наверное, что-то случилось с близнецами. Петров представил себе пухлых карапузов Саню и Ваню. А почему нет? На его глазах они едва не утонули. Но тут он услышал плач за стеной и облегченно вздохнул – по крайней мере живы.

Петров быстро натянул спортивные штаны, майку и побежал в квартиру соседки.

Ваня с Саней плакали так иступленно, что казалось, еще один вздох – и они замолкнут навсегда. Петров не помнил, когда он последний раз слышал детский плач, но этот дуэт нагнал на него страху больше, чем Зинин обморок.

– Тише, ребята. Все хорошо, все спокойно, – уговаривал он их.

Петров брал близнецов на руки по очереди, но они плакали еще сильнее, корчились, вырывались.

Через пять минут Петров почувствовал, что больше не может этого выдержать: голова звенела, словно собиралась взорваться.

– Молчать! – рявкнул Петров. – Вы не можете затихнуть, чтобы я обдумал ситуацию? Вот так. Взяли по игрушке в руки и мирно их грызем.

Выходя из комнаты, он еще погрозил близнецам:

– Чтоб мне!

Со «скорой помощью» у Петрова были связаны очень неприятные воспоминания. На тренировке он поранил ногу, приехали бравые ребята, вкололи ему укол от столбняка, а

заодно запустили вирус гепатита. Потом он месяц провалялся в больнице и уже не вернулся в секцию тяжелой атлетики. Петров набрал номер Потапыча:

- Старик, мне нужен детский врач.
- Тебе нужно проспать, – буркнул сонный Потапыч.
- Это ты приди в себя. Есть у вас хороший врач?
- Есть. Козлов Александр Владимирович. Когда у Анечки появилась сыпь, мы...
- Ты можешь его попросить приехать ко мне? – перебил его Петров.
- У тебя гости?
- Вроде того.
- Не знаю, поедет ли он среди ночи.
- Сколько он берет?
- Пятьдесят долларов за визит.
- Начинай со ста, только пусть прибудет.
- Я слышу, как ребеночек плачет.

Дети действительно опять заплакали.

- Потапыч, если он заартачится, поезжай к нему, свяжи и доставь сюда. Ты понял?

Петров не услышал ответа, потому что бросил трубку и помчался к малышам.

Второй заход был уже легче. Теперь Петрову не казалось, что через минуту они помрут. Он сумел поменять мокрые ползунки, напоил водой из бутылочки, все время разговаривал с ними, даже песни пел. Он взял одного на руки, крепко прижал к груди и стал укачивать, пресекая попытки вырваться. Потом сообразил, что их лучше разлучить, чтобы не заводили друг друга. Он вышел в другую комнату и затряс малыша с новой силой. Кажется, мальчик отключился. Петров положил его на диван и пошел за вторым. Этого он тоже утряс, опустил в кроватку, сходил за первым и положил рядом – побоялся, что, проснувшись, малыш может скатиться с дивана. Теперь навестить мамашу.

Спала соседка или пребывала в обмороке – он определить не мог. Она часто дышала, на щеках пунцевел румянец. Петров дотронулся до ее лба. Горячий. Что делать дальше?

– Зина, очнись! – пытался он растолкать ее. – Зина, открой глаза. Черт подери, да приди ты в себя!

С таким же успехом он мог будить манекен. Похоже, она не очнется, даже если резать ее на части.

Позвонили в дверь. Петров пошел открывать – здоровый детина, выше Петрова на голову, с ручищами коновала.

- Я врач Козлов.
- Ага, – умно ответил Петров.
- Вы просили меня приехать. Где ребенок?

Козлов пребывал в большом раздражении. Его подняли среди ночи, позади сутки дежурства. А теперь он стоит перед мужиком, который держит его на пороге и хлопает глазами.

Петров думал о том, что этот бугай сейчас разбудит детей, а успокаивать не будет. А если он, Петров, снова устроит им укачивание – сотрясение мозга ребятишкам гарантировано.

– Послушай, – Петров сразу начал на «ты», – они только уснули. Может, чуть позже или вообще...

– Что «вообще»? Какого лешего я тащился через всю Москву в три часа ночи? Ребенок болен или нет?

- Их двое, близнецы. Пошли.

Козлов шагнул ему навстречу.

- Не сюда, туда. – Петров показал на квартиру соседней.

Врач мыл руки и задавал Петрову вопросы:

- Что с детьми?
- Они орут.
- Температура есть?
- Не знаю.
- Сколько им лет?
- Не знаю, месяцев десять.
- Что они сегодня ели?
- Не знаю.
- Стул был?
- Наверно, то есть не знаю.

Козлов выразительно посмотрел на Петрова. Тот не успел ничего объяснить, врач пошел в комнату, склонился над детьми.

– Карточки дайте.

«Ну, Потапов, сволочь, – разозлился Петров, – экстрасенса прислал. Сейчас по фотографии диагноз будет устанавливать. Убью сумасшедшего деда».

- Извините, не знаю, где хранится фотоальбом, – процедил Петров.
- То, что вы вообще мало знаете, я уже понял. Мне нужны медицинские карточки детей.
- А! А где их хранят?

Козлов, ничего не ответив, стал осматривать комнату. На стеллаже лежали стопки ползунков, пеленок, распашонок, выше – бутылочки, скляночки, какие-то кремы, на самом верху обнаружились карточки.

– Так, значит, зубки режутся, – проговорил он, читая записи, – посмотрим, посмотрим... Памперсами не пользуетесь? – Козлов показал на кучу мокрых штанишек.

- У нас от них яички перегреваются.
- У кого это «у нас»? – удивленно спросил Козлов.
- У нас – это у Вани и у Сани, – сказал Петров и указал на близнецов.
- Так, значит, яички. Больше ничего не перегревается?

Козлов явно издевался.

– Послушай, – зашипел Петров, – я тебе объясню ситуацию. Я их сосед. Ясно? Сосед. Среди ночи их мать позвонила ко мне в дверь и тут же свалилась в обморок. Она, между прочим, до сих пор там бесчувственная лежит. Дети орут. Я чуть с ума не сошел. Попросил друга найти хорошего врача. – Последние слова Петров проговорил с ехидцей. – Что я неправильно сделал?

– Все правильно, – потеплел Козлов. – Извини, мужик. Ну, давай-ка посмотрим этих молодцов.

Козлов действовал очень ловко. Он достал одного младенца и положил на столик. Толстые большие пальцы нежно мяли животик малыша, а когда врач перевернул младенца на спинку, его грудка уютно поместилась в медвежьей лапе. При этом что-то приговаривал, задавал вопросы и сам же на них отвечал.

– Замечательно здоровый парень, – заключил он и передал сонно вякающего младенца Петрову. – Поноси его немного.

Козлов устроил мальчика на груди Петрова так, что головка оказалась у Петрова на плече, одну руку Петрова врач завел под попу малыша, а другую положил на спинку. Младенец оказался припечатанным к Петрову как осьминожка. Петров чувствовал легкое тепло ребенка, его молочно-кисловатый запах. В том, как ребенок прильнул к нему, было столько беспомощной доверчивости, что у Петрова возникла странная мысль: если бы сейчас кто-то покусился на мальчика, он бы перегрыз обидчику глотку.

Козлов осмотрел второго мальчика, тоже взял его на руки, и они ходили по комнате, тихо переговариваясь и укачивая младенцев.

– Я согласен с тем, – сказал Козлов, – что дети беспокоились из-за режущихся зубок. Десны у них распухли, но в остальном все в норме. Можно им, конечно, сделать укольчики, анальгин с димедролом, но я бы не стал. Мне кажется, что до утра они проспят спокойно.

Петрова едва не передернуло, когда он представил, как в малышей всаживают иглы.

– Не надо никаких уколов, – сказал он.

– Вот и я так думаю. Всё, клади. Где их мама?

Петров, обрадованный тем, что дети не погибли, забыл о Зине. «Еще одна морока», – подумал он и расстался то ли с Ваней, то ли с Саней почти с сожалением.

Зина лежала в той же позе. Козлов склонился над ней, раздвинул веки и посмотрел, как реагируют на свет зрачки, потом посчитал пульс.

– Это не обморок, – сказал он. – Ты температуру мерил? Нет? Достань градусник из моей сумки.

Козлов расстегнул блузку на Зининой груди и неожиданно выругался:

– Ёшкин корень! Она что, до сих пор их кормит?

– Понятия не имею, – пожал плечами Петров. Козлов ловко снял с бесчувственной женщины джинсы, блузку и лифчик. Петрова поразило ее почти детское, как у подростка, тело. Неужели это тело могло произвести на свет таких здоровых пацанов? Могло. И даже их выкормить – на сосках виднелись белые капельки молока. Это не вызвало у Петрова отвращения. Наверное, потому, что грудь была потрясающе красива.

– Ну-ка, давай посадим ее, – сказал Козлов, убирая раковинку фонендоскопа от Зины.

Петров держал ее за плечи, врач прикладывал фонендоскоп к спине.

– Все, клади обратно, – сказал Козлов. – Скверно.

По-моему, воспаление легких. Надо бы в больницу.

Петров плохо знал Зину, но почему-то был уверен, что уехать от детей она не согласится. Он поделился своими сомнениями с Козловым.

– У нее есть родственники? Кто-нибудь, кто ухаживал бы за ними?

– Понятия не имею. Кажется, есть сестра и бабушка. Муж лег на дно. В том смысле, что он моряк и сейчас в плавании.

– Судя по записям в карточках, близнецы дают жару уже дня три. Она просто обесси- лела плюс болезнь, температура тридцать девять и восемь. Скверно. Элементарная логика подсказывает, что ей просто некого было позвать на помощь.

«Надеюсь, логика тебе не подсказывает, – подумал Петров, – что единственное спасение – я, сосед». Но вслух он ничего не сказал.

– Но сейчас главное не это, – продолжал рассуждать Козлов. – Главное – сцедить молоко. Она, видно, пропустила кормление. Температура, возможно, вирус – мастит обеспечен. Придется потом резать грудь, операция, боль страшная и все такое прочее. Неси два стакана и помой руки. Будем сцеживать.

Петров не очень хорошо понял ход мысли доктора, но ему стало жаль Зину, чью замечательную грудь мог изуродовать скальпель хирурга. Он отправился на кухню и принес два стакана для коктейлей.

Козлов усадил Зину на край тахты, укрыл ей ноги одеялом, сам устроился так, что одно Зинино плечо опиралось на его грудь. Петрова он заставил сесть рядом с Зиной и поддерживать другое ее плечо.

– Смотри, – командовал педиатр, – вот так нажимаешь на сосок и сцеживаешь молоко. В две руки мы быстрее управимся.

– Быстрее? – ошеломленно переспросил Петров.

Он попробовал повторить действия врача, пальцы его дрожали.

– Соски у нее необычного цвета – розовые, – отметил Козлов. – Красиво, как у рембрандтовской Данаи.

– Самое время о живописи поговорить. Черт, все равно не выходит.

Наконец Петров приспособился, и его стакан тоже стал наполняться.

– Нет, у меня, конечно, богатая фантазия, – бормотал Петров, – но чтобы с этим органом такое проделывать...

– Ты думаешь, я специалист? Это второй раз в жизни. В первый раз я вот так женился.

– Что ты «вот так»? – не понял Петров.

– Подрабатывал на «скорой». Приезжаем по вызову. Мать с ребенком. Только мы вошли, она бултых в обморок. Ребенку три месяца. Мы ее привели в чувство, никакого диагноза, кроме переутомления, я поставить не мог. Идем к соседям – присмотрите, мол. Но там пьянь сплошная. Звоним на станцию – помощь оказали, говорят, уезжайте. Плюнул я на все и остался. Кажется, на всю жизнь. Так что ты берегись. А со «скорой» меня поперли.

«Бред! – подумал Петров. – Рождественская сказочка».

– Ну, я-то с морячком тягаться не смею, – сказал он. – Слушай, помнишь у Мопассана рассказ: едут в купе мужик и кормящая мать, поезд запаздывает, молоко у нее убегает, и он выручает страдальцу, заменив младенца?

– Самое время о литературе поговорить, да поздно вспомнил. Мы уже закончили. Но у тебя еще будет возможность – утром, часов в семь, надо снова сцедить. И так четыре раза в день. Молоко поставишь в холодильник. Утром его надо прокипятить и дать детям.

Петров не нашелся что сказать.

Они уложили Зину на кровать, и Козлов принялся ковыряться в своем саквояже, доставать шприцы, бутылочки.

– Она очень истощена, – вздохнул врач. – Сейчас мало кто кормит, а до девяти месяцев – вообще редкость. Питается, видно, неважно, опять-таки болезнь. Ей бы витамины поколоть, глюкозу и прочее.

– Где я буду искать ее родственников? Послушай, у тебя есть кто-нибудь, сиделка или как там? Мне завтра, то есть сегодня, на работу нужно кровь из носу.

Козлов не отвечал. Он наполнил шприц, повернул Зину на бок, спустил ей трусики и всадил укол в ягодицу. Петров не мог не отметить, что ягодицы у соседки такие же крепенькие, как у младенцев, только покрупнее.

– У меня есть, – сказал Козлов задумчиво. – Наша старшая медсестра, Тамара Ивановна, недавно ушла на пенсию. Надежна, как Эверест, и подрабатывает по уходу за младенцами. Но это стоит денег.

– Деньги – не проблема.

– Для тебя, может быть, и не проблема, а для этой девчущки, – Козлов кивнул на Зину, – очень даже проблема.

– Сколько она берет, Тамара Ивановна?

– Обычно за одного ребенка пять долларов в день. А тут близнецы и мать, – с сомнением проговорил врач.

– Ты можешь ее уговорить?

– А ты потом потребуешь деньги с соседей?

– Слушай, – обиделся Петров, – нас с тобой вроде объединяет такое дело – по стакану сцедили, а ты ко мне как к сволочи.

– Извини, – улыбнулся Козлов. – Значит, так. Врача мамаше завтра можешь вызвать? Нет? Тогда я сам. Рецепты на антибиотики и прочее я оставлю. Тамара Ивановна схему знает.

– Так она приедет?

– Если жива, то мне не откажет. Еще... Впрочем, я лучше ей самой все и расскажу. На всякий случай мой телефон тоже оставлю.

Пока доктор писал, Петров слонялся по комнате, не зная, чем заняться.

– Выпить не хочешь? – спросил он.

– В четыре утра?

– Действительно, слишком поздно. Или слишком рано? Сколько я тебе должен?

– Купи на все памперсы малышам.

– Не дури. Ты же тащился сюда, проторчал два часа.

– Значит, удвой гонорар и купи на все.

Петров проводил врача и искренне его поблагодарил:

– Ты отличный мужик, Козлов.

– Ты, Петров, тоже вроде ничего.

* * *

Перед Петровым встала проблема: где ночевать. Поразмыслив, он решил, что Зина вряд ли заплачет и описается, а близнецы вполне могут. Он пошел в квартиру соседей и улегся на Зинину кровать. Но три часа до звонка будильника только беспокойно ворочался. Ему все казалось, что малыши сейчас проснутся и заплачут или, наоборот, перестанут дышать. Петров вставал, подходил к кроватке, прислушивался, проверял сухость штанов и снова ложился.

В восемь пришла Тамара Ивановна. Петров обрадовался этой невысокой плотной женщине со строгим лицом, словно посланнице Небес. Он показал медсестре, где находятся дети и их мать, договорился об оплате и ринулся в душ.

Надевая костюм и поглядывая на спящую Зину, он думал о том, что вот его участие в делах этого семейства и закончено. Если Зина не заразна, то ее можно перенести домой: и Тамаре Ивановне будет удобнее, и ему.

Петров зашел в соседскую квартиру попрощаться. Тамара Ивановна переодевала близнецов.

– У них зубки режутся, – сообщил Петров.

– Уже прорезались, – буркнула Тамара Ивановна. Петров подошел и посмотрел. Действительно, на деснах близнецов появились маленькие белые пятнышки.

– У детей нет еды, – не глядя на Петрова, проговорила Тамара Ивановна.

– Я забыл вам сказать. У меня в холодильнике молоко, его надо...

– Не надо им молока от больной, еще и с антибиотиками. Немного возьму, чтобы резко не переходить, а вы купите детское питание.

– Ага, я купите. Доктор Козлов сказал...

– Много он понимает, этот доктор. Будете детей голодом морить – я уйду. И где памперсы? Я стирать не обязана.

– Детей голодом морить не будем, – медленно проговорил Петров, едва сдерживая раздражение. Рассказывать о вредности памперсов он больше не хотел. – Скажите точно, что купить и где это продают.

Пришлось ехать в гастроном на Мясницкую.

Петров сложил баночки и коробочки в пакет, уже подойдя к машине, чертыхнулся и вернулся за памперсами.

– Теперь я могу быть свободен? – приторно вежливо спросил он дома, передавая покупки Тамаре Ивановне.

Старуха ничего не ответила, отвернулась и ушла.

За что, интересно, она его невзлюбила?

* * *

В кабинете президента компании, Юры Ровенского, стоял длинный ониковый стол с кожаными креслами вокруг, у окон в кадках росли деревца, пол устилал толстый ковер. Здесь проходили их совещания и переговоры. Эта обстановка разительно отличалась от прокуренного зала пивной с народным названием «У брата» на улице Александра Ульянова. Именно там пять лет назад зародилась идея создать фирму по сборке компьютеров. Первые проекты писались на бумажках, залитых пивом и с жирными пятнами от вяленого леща. Теперь перед ними лежали стильные папки с текстами, отпечатанными на лазерном принтере.

В конце 80-х годов многие ринулись заполнять пустующую нишу – привозили в Россию компьютеры из-за рубежа или собирали их на месте. Но многие так же быстро сошли с дистанции. Самые легкие и скорые деньги делались тогда на финансовых пирамидах. Именно они утянули с компьютерного рынка главных конкурентов петровской фирмы «Класс». Название возникло от модного словечка, которым выражали наивысшую похвалу.

Петров и Ровенский заняли жесткую позицию: первые пять лет вся прибыль шла на расширение производства и организацию сети продаж. Они не ездили по экзотическим курортам, не покупали шикарных автомобилей, жили в коммуналках, и мало кто догадывался, что они ворочали большими деньгами. И только когда «Класс» вышел на такие позиции, что подвинуть его уже никто не мог, фирма и ее руководители перешли на другой качественный уровень: переехали в современный офис, открыли личные счета в банках, уселись в автомобили последних марок.

Сегодняшнее совещание в определенной мере тоже было судьбоносным – определяли дальнейшую стратегию. Проще говоря – во что вкладывать деньги.

«Класс», как и другие крупные компьютерные фирмы, сам деталей не производил, закупал их в странах Юго-Восточной Азии и в Ирландии. Построить заводы по выпуску микросхем нечего было и мечтать – для этого требовалось две сотни миллионов долларов. Но делать первые шаги в этом направлении, по мнению Петрова, следовало: выпуск корпусов для компьютеров оправдал бы себя уже через шесть лет.

* * *

– Мы растекаемся лужей, – говорил он на совещании, – вместо того чтобы стать хорошим озером. Подвернулись попутные выгодные контракты с мебелью – организовали «Класс-мебель», «Класс-авто» тоже постепенно расширяется. Из тридцати пяти филиалов в тридцати чем только не занимаются: и медикаментами, и спортивным инвентарем. Осталось только памперсы производить.

– Или свиноферму открыть, – поддержал его Потапыч. – Звучит: «Класс-свинина». Нас в школе учили – экстенсивный путь плохо. Надо зреть и копать в корень. Ты, Юра, – он обратился к Ровенскому, – предлагаешь открыть учебный центр. А зачем? Зачем садиться в последний поезд, когда первые уже давно ушли и набирают скорость? Конечно, прибыль это принесет, и деньги обернутся быстро. И покатаем мы по утопанной тропе, когда надо рубить свою просеку.

Но остальные их точку зрения не разделяли. В том числе и Ровенский. Журавль в небе – это красиво, синица в руках – надежно.

* * *

С Юрой Ровенским Петров учился в математическом интернате при МГУ. С тех пор они и дружили. Петров всегда был умнее Юры: быстрее и оригинальнее решал задачи в школе, больше книжек читал и разбирался в вещах, о которых Ровенский имел смутное представление. Производство наладить, коллектив сплотить и внушить трудовой энтузиазм у Петрова тоже получалось лучше. Но он безоговорочно признавал, что именно Юрка должен управлять фирмой. У Петрова не было бронированности и целеустремленности Ровенского. Юра не шел по жизни, а пёр как танк. Он не обращал внимания на то, что кого-то случайно задавил или обидел, не комплексовал по поводу друзей-неудачников. Я тебе предложил работу – ты не справился, чего же ты хочешь? Юра уволил секретаршу за то, что она выслала машину встречать его не в тот аэропорт и Ровенский проторчал там лишний час. Леночка однажды подвесила петровский компьютер, и он два дня потратил, чтобы восстановить стертую информацию. Лене он задал перцу, но уволить ее ему даже в голову не пришло.

* * *

Все явно склонялись ко второму проекту. Ровенский посматривал на Петрова с удивлением – не ожидал, что тот легко сдастся. Петрову напрягаться было лень. То ли давала себя знать суматошная ночь, то ли вообще у него азарта поубавилось. Вначале карьера бизнесмена его отчаянно увлекала. От мысли: завтра делаю вот это – и у нас в кармане десять тысяч баксов, он хмелел как от вина. Но потом он уже столько раз задыхался победителем на финише, что прелесть новизны пропала, тужиться и доказывать свою правоту не хотелось.

Леночка и секретарша Ровенского принесли кофе.

– Подожди минуточку, – задержал Петров Лену.

Он взял листок и написал: «Позвони по моему домашнему телефону или последние цифры 23. Должна подойти Тамара Ивановна. Спроси: 1. Как дела? 2. Сцедила ли она Зине молоко? 3. Не надо ли чего-нибудь?»

Через несколько минут Лена вернулась и положила перед Петровым записку: «Тамара Ивановна просила передать: 1. Без советов от сопливых она обойдется. 2. Укол надо делать в девять вечера, к этому времени ты должен привезти лекарства. 3. Нет еды».

Утром, кроме молочных смесей, Петров купил пять видов детского питания, по три баночки каждого. Неужели близнецы пятнадцать банок слопали? Ну и аппетиты!

Снова вошла Леночка, склонилась к Петрову, и мужские глаза дружно нацелились на ее ножки.

– Звонит педиатр, то есть детский врач, хочет с тобой поговорить. Что сказать? – прошептала Лена на ухо Петрову.

– Я на минутку. – Петров бросился к дверям.

Почему ему все время кажется, что с малышами произошло что-то ужасное?

Козлов был абсолютно спокоен, даже весел:

– Не знаю твоего домашнего телефона, соседкин тоже забыл записать. Как они там?

– Я уходил, все было нормально. Зубки прорезались. Представляешь, у одного на верхней челюсти, а у другого на нижней.

– Бывает. – Козлов записал телефоны и спросил: – Ты молоко утром сцедил?

– Сцедил.

– Не захлебнулся? – хохотнул Козлов и повесил трубку.

Петров достойно ответить не успел. Леночка смотрела на шефа с удивлением и любопытством.

– Если бы я тебе рассказал, – ухмыльнулся Петров, – ты бы неделю смеялась.

* * *

Зина пришла в себя от мокрого холода. До этого она пребывала в кошмарном горячем забытии – превратилась в песчаного червя, двигалась по пустыне, зарывалась в раскаленные горы, населенные подземными чудовищами. И вот теперь ее вырвали наружу, голую и беззащитную. Она не узнавала комнату, в которой находилась, не знала женщину, которая склонилась над ней и обтирала мокрой салфеткой.

– Где я? – спросила Зина.

– Дома, где же еще, – ответила Тамара Ивановна.

«Дома» – хорошее спокойное слово, только оно не вяжется с Зиниными ощущениями. Ей нужно что-то вспомнить, что-то важное, о чем нельзя забывать. Она вспомнила.

– Дети! – Зина попыталась подняться. – Ванечка и Санечка.

– Лежи. – Тамара Ивановна придавила ее к подушке. – Все с твоими детьми в порядке. Спят чистые и накормленные. Зубки прорезались.

Зина закрыла глаза. Этой женщине можно верить, у нее такие сильные и ласковые руки. Что-то она говорит? Ругает Зину за то, что связалась с подлым мужиком. Нет, слов не понять, они размазываются. Как хорошо, что нет больше того горячего песка и безобразных чудовищ.

Можно немного поспать. Вот он уже, сон. Красивая поляна с цветами. Ромашки. Мама плела им из ромашек веночки.

* * *

В аптеке Петров присвистнул, когда ему назвали стоимость лекарств и медикаментов, выписанных Козловым. Болеть нынче дорого. По дороге в кассу он увидел на витрине странный прибор – стеклянный граммофончик, сразу под ним углубление, на другом конце резиновая груша. «Для сцеживания молока», – прочитал Петров.

– Средства малой автоматизации, – пробормотал он и купил две штуки.

Детского питания теперь он приобрел семь видов и по десять баночек, запаянных в полиэтиленовую упаковку – больше ему было не унести.

Петров позвонил в соседскую дверь, не заходя к себе. Ему открыла насупленная и недовольная Тамара Ивановна.

– Как дела? – спросил Петров, пройдя за ней на кухню.

Тамара Ивановна не отвечала, молча разбирала лекарства.

Петров повторил свой вопрос, и она опять его проигнорировала.

– Я что-либо сделал не так? – Петрова стала раздражать эта игра в молчанку.

Тамара Ивановна вдруг развернулась и закричала:

– Ах ты, хрен моржовый! Ты до чего женщину довел? Она же впроголодь живет. Три картофелины нашла и пачку вермишели! Дети ее высосали всю, в чем только душа держится. А сам жируешь, как блин масляный блестящий! Где твоя совесть?

Петров онемел от этих упреков. «Какого черта Козлов ничего не объяснил медсестре? Впроголодь живет...

Фу ты, гадство какое!» Он почувствовал щемящую жалость к девочке-женщине Зине и ее близнецам.

Он стал в ответ кричать на Тамару Ивановну: обиделся на несправедливые обвинения, да и жалость к нищим соседям ему была нужна как новый зуб мудрости.

– Что вы на меня орете? Я им кто? Муж? Отец? Брат, сват? Я им никто! Сосед! Целые сутки занимаюсь их делами, ночь не спал – и здрасте! – я же виноват, что их папаша уплыл.

«Сейчас развернется и хлопнет дверью, – мелькнуло у него в голове. – Что я тогда буду делать?»

– Скажите четко, – он поубавил пыл, – какие именно продукты надо купить. Я съезжу в магазин.

На лице Тамары Ивановны отразилась целая гамма чувств. Во-первых, она не ожидала такого поворота вещей, и ей стало неловко за то, что обрушилась на неповинного человека, во-вторых, запас приготовленных оскорблений еще не исчерпался, и она как собачка после разбега должна была резко тормозить и сдерживать инерцию, в-третьих, она лихорадочно придумывала предлог, чтобы не извиняться. Предлог не заставил себя долго ждать – захныкали дети.

– Иду, иду, мои лапочки, – пропела Тамара Ивановна и отправилась в спальню.

– Давайте не будем ссориться, – двинулся за ней Петров. – Я погорячился, извините. Так что нужно купить?

– Так всё. Мясо, рыбу, фрукты и овощи. Творог обязательно. Как у бедняжки зубы только не высыпались.

– Почему они должны были высыпаться? – удивился Петров.

– Молоко кальций из организма вытягивает. Косточки теперь, наверное, у нее хрупкие, как соломинки.

– До моего прихода, надеюсь, обойдется без переломов, – сказал Петров и ушел.

Он созвонился с директором универсама, в котором сотрудники «Класса» отоваривались с заднего хода. В самом магазине – шаром покати и длиннющие очереди за колбасой и молоком.

– Свадьба? – кивнул на его покупки директор.

– Вроде того.

– Я и вижу – лицо у тебя счастливое.

Петрову смертельно хотелось спать, вообще свалиться и забыться.

Продукты ему упаковали в четыре коробки. Их надо было тащить до машины, потом до лифта, потом до квартиры. Наверное, профессиональная болезнь филантропов – радикулит.

– Тамара Ивановна, вы разберете все это?

– Конечно, голубчик. Я ужин приготовила – курицу у тебя нашла и картошку пожарила.

Придешь?

Теперь Тамара Ивановна была сама кротость.

– Спасибо, с удовольствием. Как насчет рюмашки?

– Я не буду, а тебе, может, и следует. Ты пьющий? – спросила она подозрительно.

– Умеренно. Я пойду умоюсь и принесу коньяк.

Зина услышала, как вошел Петров, и открыла глаза.

В комнате мягко стелился свет галогенного торшера.

– Привет, Зинаида.

– Здравствуйте, Павел.

– Если ты мне будешь выкать, я вспомню, сколько мне лет. Никто не знает, что десять лет назад семьдесят стукнуло.

Петров говорил не глядя на Зину. Он доставал из шкафа чистую майку и спортивные штаны.

– Я хотела уйти к себе, но Тамара Ивановна не позволила.

Зина понимала: надо поблагодарить соседа. Но удивительным образом никакой особой благодарности к нему не испытывала. Если растрескавшейся земле нужен дождь, то не важно, пригнал тучу северный или южный ветер, она будет просто впитывать влагу.

– Как ты себя чувствуешь? – Петров изучающе посмотрел на нее. Желтенькая ночная рубашка в кружевах. В его постель залетела девочка-подросток из пионерского лагеря.

– Я себя не чувствую. Это кто-то другой.

– Есть хочешь?

– Нет, меня Тамара Ивановна бульоном кормила. Из вашей... твоей курицы.

– Тогда я тоже пойду подкреплюсь. Тебе ничего не нужно?

– Ты мальчиков видел?

– Видел, – соврал Петров. – Отлично выглядят...

Он хотел еще что-нибудь приврать, но Зина закрыла глаза и уснула.

«Кафка по мне плачет, – думал Петров. – Полнейший сюрреализм».

Он сидел на чужой кухне, поглощал ужин, приготовленный женщиной, о существовании которой еще вчера не подозревал, и обсуждал семейные дела посторонних людей.

– Звонила Валентина, сестра Зины, – делилась Тамара Ивановна, – бабушку их положили в больницу. Валя взяла отпуск и ухаживает за ней. И правильно, кому старуха там нужна. Чуть не углядел – и пролежни.

Петров не знал, что такое пролежни. Тамара Ивановна ему подробно объяснила.

– Я купил приборы для сцеживания молока. Вы видели?

– Не нужны они. Я грудь Зине перевязала.

– В каком смысле?

– Чтобы молоко перегорело. Куда ей еще кормить?

– Но Козлов этого не говорил.

– Много он понимает. Нет, конечно, детский врач он очень знающий.

– Тамара Ивановна, нужно еще что-нибудь Зине, детям?

– Одежонки у них маловато, застиранная вся. Уже ползунки стала надставлять, они ведь растут. Нет у тебя знакомых, у которых младенцы подросли?

– Есть, завтра спрошу. Ничего, если я вам не буду помогать с посудой? Честно говоря, засыпаю на лету.

– Да что ты, что ты! – замахала руками Тамара Ивановна. – Разве мужское это дело.

– То-то я им лет двадцать занимаюсь.

Дома Петров посмотрел на спящую Зину, представил: чтобы добыть из кладовки раскладушку, надо вытащить лыжи, велосипед и еще кучу всяких вещей.

– Дудки! – заявил он вслух. – Я не кусаюсь и истощенных женщин не насирую. Неистощенные сегодня тоже могут не беспокоиться.

Он достал подушку, плед и лег рядом с Зиной.

Не просыпаясь, она вдруг повернулась к нему, положила голову на плечо и обняла за шею. Петров почувствовал, как к нему прижалась плоская забинтованная грудь соседки.

Проклиная себя, он убрал Зинину руку и осторожно встал. Побрел к телефону.

– Козлов? Это Петров.

– Петров? Это Козлов.

– Доктор, проснись, мне надо задать тебе вопрос.

– Армянское радио отвечает.

– Перестань храпеть в трубку. Тамара Ивановна перевязала грудь.

– Зачем? Что у нее с грудью?

– Да не у нее. Она Зине перевязала, чтобы молоко перегорело.

– Подожди, я сейчас врублюсь. Так. Если у нее пневмония, то надо, чтобы легкие хорошо вентилировались. Поэтому все сдавливания – это плохо. Что сказала Маша Новикова?

– Какая еще Маша?

- Терапевт. Она должна была к вам заехать, я просил.
 - Ни о какой терапевтке не слышал. Так что мне делать? Разбинтовывать?
 - Нет, не надо. Из двух и более зол это, наверное... Оставь все, как есть. Завтра терапевт ее посмотрит. Ты лекарства купил, уколы делаете?
 - Делаем. Пока.
- Он положил трубку, пока проснувшийся Козлов не успел вспомнить о любви Петрова к литературе.

* * *

На следующий день Петров по телефону договорился с Людмилой, женой Потапыча, что после работы подъедет и заберет чемодан с детскими вещами.

Потом позвонила Тамара Ивановна.

– Докторша вчера приходила к Зинаиде и не попала в дом. Когда домофоны устанавливали, у Зины ста пятидесяти рублей не было, поэтому ей переговорник не поставили, только ключ дали. К ней если кто приходит, звонит соседке внизу, та открывает. А я откуда знала?

– Но сегодня доктор в квартиру попала? Хорошо.

– Я этим мастерам позвонила, они теперь триста за установку хотят.

– Намек понял. Пусть делают.

Вечером Петров привез детскую одежду.

– Богато ребенка содержали, – оценила Тамара Ивановна. – А платья-то зачем? У нас же мальчики.

– Пол уточнить я не сообразил. Как Зина?

– Нервничает. Ты бы ее успокоил, что, мол, не обеднеешь от трат.

В квартире Петрова витал непривычный запах – лекарств и женщины.

– Здравствуй, Зинаида. Как самочувствие?

– Здравствуйте. Я понимаю, что это полное безобразие – мое присутствие здесь и все ваши хлопоты.

– Во-первых, пока ты была в бессознательном состоянии, мы перешли на «ты» и вообще страшно сблизилась. Во-вторых, если ты такая понятливая, то убери с лица кислое выражение и не порть мне настроение. О, слезы. По какому вопросу?

– Я два дня детей не видела. Тамара Ивановна... – Зина не договорила и уткнулась в подушку.

Петров пошел разбираться с медсестрой.

– Пневмония бывает вирусная, – заявила Тамара Ивановна. – Три дня карантина положено.

– Но ведь она, пока не свалилась, была с детьми. Что, если мы ей издали их покажем? Дайте-ка мне эти платья потаповской внучки.

Зина увидела детей и рассмеялась. Ваня и Саня, наряженные в розовое и белое платья, с кружевными чепчиками на голове, смотрелись на руках у Петрова необыкновенно потешно.

– Они же мальчики! – хихикала Зина.

– Как? – изумился Петров. – С чего ты взяла? Как определяли? Да те ли это дети?

– Те, те, – кивнула Зина, – только подросли. Дайте мне их, пожалуйста.

Близнецы, увидав протянутые мамины руки, ответили встречным порывом.

– Нельзя, братцы, – остановил их Петров, – у вашей мамы карантин. Пошли купаться, там уже и воду напустили.

Тамара Ивановна от помощи в купании младенцев отказывалась, но Петров уверял ее, что Саня и Ваня имеют тенденцию к потопляемости, поэтому торчал в ванной. Они поиграли

в знакомую игру «Съешь крокодилчика», потом Петров отнес вымытых и переодетых детей в комнаты.

Ужинал дома с Зиной. Петров накрыл журнальный столик у Зининой тахты, сам сел в кресло перед телевизором. На середине кровавого боевика Зина мирно уснула. Ее присутствие не раздражало Петрова – словно он завел ласкового котенка, и с его появлением все в доме стало по-другому, но не хуже. Правда, котенок не выселил бы хозяина на раскладушку...

Следующим вечером Зина решительно велела перевести ее домой. Тамара Ивановна устроила ей постель на диване в большой комнате, сама переночевала с малышами в детской.

* * *

Зина смогла помогать медсестре только через десять дней.

Тамара Ивановна прожила у Зины три недели.

Петров приходил почти каждый вечер, играл с малышами, развлекал разговорами Зину и Тамару Ивановну. На полчаса-час он окунался в атмосферу семейной жизни и должен был признать, что удушливой она ему не казалась.

Тамара Ивановна тихой сапой подталкивала его на решение материальных проблем соседки. Он не возражал, только посмеивался над простодушным лукавством пожилой женщины.

– Вот манежа нет, – вздыхала Тамара Ивановна, словно говоря сама с собой. – Так было бы хорошо – посади туда детей и живи спокойно. Двоим-то в кровати тесно, а по полу дует, да и уползают они. Но где Зине на манеж денег взять?

На следующий день Петров приносил манеж.

– Уже неделю дети на улице не были, – сокрушалась Тамара Ивановна. – Конечно, разве я могу их в этой коляске возить? Вывалятся они, большие уже. Им нужна другая, с креслицами. Я видела, для близнецов спаренные делают. Дорогие, поди.

Петров покупал коляску.

Когда Зина поняла, кто раскручивает соседа на подарки, она настрого запретила Тамаре Ивановне подстрекать его, даже пригрозила, что вернет все обратно.

– Да что ты ломаешься? – уговаривала ее Тамара Ивановна. – У него же денег куры не клюют. В субботу дружки приходили в карты играть, так деньгами весь стол был завален. А ты нуждаешься.

– Это его деньги, и я ни в чем не нуждаюсь. Тамара Ивановна, вы бы на моем месте копейки чужой не взяли. Я же вижу, что вы за человек.

Тамара Ивановна, которая договаривалась только ухаживать за детьми и больной, готовила еду Зине и Петрову, стирала и убирала в двух квартирах. Она была настоящей труженицей – не присаживалась ни на минуту, пока была работа, которую она не должна, а могла сделать. У себя в семье она стала главной кормилицей: дочь уволили по сокращению с завода, зять пьянствовал, внуки учились в техникуме.

* * *

– С чего ты решила, что я безвозмездные подарки делаю? – Петров изобразил не только изумление, но и легкую обиду, когда Зина попросила его не покупать им больше вещи и продукты. – Я, Зиночка, бизнесмен. А где ты видела бизнесмена, который швыряет деньги на ветер?

– Правда? – обрадовалась Зина. – Значит, ты как бы нам в долг даешь?

– Что значит «как бы»? Ты меня пугаешь. Я начну думать, что ошибся с вложением денег.

Петров слегка выпил, актерствовать под хмельком он любил, и получалось у него неплохо. Но Зина все-таки подозревала, что он дурачится.

– Я совершенно серьезно. – Она внимательно заглядывала ему в глаза.

– Здесь шутки кончаются. Деньги-то немалые, – строго сказал Петров. – У меня, кстати, все траты зафиксированы.

Петров достал записную книжку, помахал ею в воздухе и быстро убрал, чтобы Зина не вздумала ее посмотреть.

– Я не смогу в ближайшее время с тобой рассчитаться, во всяком случае полностью. Приедет Игорь...

– Минуточку, – остановил ее Петров, – давай выясним отношения. Я на тебя и твоего мужа совершенно не рассчитываю. Мои должники – это Ваня и Саня. В старости, когда я буду дряхл, немощен и разорен, они мне принесут денежки на блюдечке из голубой каемочки.

– С голубой каемочкой, – поправила его Зина и улыбнулась. – Очень хорошо. А то я, знаешь, какой-то содержанкой себя чувствовала.

Теперь усмехнулся Петров. Содержанка! Уморила! Знала бы она, во что они обходятся, содержанки! Сегодня он присутствовал при телефонном разговоре молоденькой певички Анфисы, которую раскручивали на телевидении, и Ровенского.

– Юрик! – верещал голос Анфисы из динамика громкой связи. – Я хочу кофточку купить!

– Почему нынче кофточки? – довольно улыбаясь, спросил Ровенский.

– Пришли мне с водителем две тысячи баксов, постараюсь уложиться. А вечером идем лобстеров кушать, я помню, милый.

Но когда через несколько дней Зина показала бумагу – ее обязательство за детей, Петрову стало противно.

Он читал: «Я, Зинаида Олеговна Бойко, паспорт серия... номер... проживающая... действуя за моих несовершеннолетних детей, Александра и Ивана, составляю настоящую расписку о том, что мои сыновья, Александр и Иван, по достижении совершеннолетия обязуются вернуть Петрову Павлу Георгиевичу три тысячи долларов США за помощь, оказанную мне при воспитании моих сыновей...»

– Это Валя по моей просьбе сделала, – говорила Зина, пока он читал. – Как только смогу выходить на улицу, заверю у нотариуса. Ты, пожалуйста, подпиши вот здесь: «С условием расписки согласен».

– Откуда взялась сумма? – поинтересовался Петров.

– Павел, я умею считать деньги.

Зина видела, что он старается скрыть неприятное впечатление, которое произвела на него бумага. В самом деле, человеку доставляло удовольствие делать добрые дела, а тут ему говорят: в отдаленном будущем получите за них денежки.

Зина забрала листок, двумя руками взяла его руку:

– Павлик, если бы не ты, мы бы, наверное, погибли. Я уж точно была к этому близка. Тут даже всякие слова благодарности теряют смысл. Ты нас просто спас.

Она поднесла его руку к губам и поцеловала.

Петров на секунду застыл. Он пережил мгновенную смену чувств. Вместо раздражения, даже брезгливости – растерянность и теплота. Перед ним стояла не замученная мать семейства, не болезненная девочка-подросток, а женщина. Очень симпатичная, надо признать, женщина.

Теперь он взял легкие Зинины руки, поднес к своим губам и по очереди поцеловал.

– На самом деле это я отогрелся рядом с вами. С тобой, – не удержался он от заигрывания.

Петров смотрел на нее ласково и чуть насмешливо. Зину позабавила столь быстрая смена его настроения, и ей были приятны знаки внимания, от которых она успела отвыкнуть.

– По-моему, – она заговорщически улыбалась, – получилось ну очень патетично.

– Готов уронить слезу, – подстроился под ее тон Петров.

– Ужин готов, я хотела спросить... – Вошедшая Тамара Ивановна осеклась, увидев их стоящими близко друг к другу.

– Голоден как волк. – Петров отпустил Зинины руки. – А после ужина я вам кое-что покажу.

Несколько дней назад, играя с детьми, он обратил внимание, что они легко показывают или берут ту игрушку, которую он просит. Больше всего Ваня и Саня по-прежнему любили красный кубик и по-прежнему считали его съедобным. Петров вместе с манежем купил им кубики с буквами и теперь хотел показать Зине и Тамаре Ивановне потрясающее, с его точки зрения, открытие.

– Зинаида, дети твои гениальны, вундеркинды и все такое прочее, – заявил он. – Демонстрирую.

Петров выложил на краю ковра ряд цветных кубиков, среди которых было два с буквами «А». Детей он поставил на четвереньках на другом конце ковра и скомандовал:

– Где же у нас буква «А»? Кто первый принесет ее дяде, Ваня или Саня?

Малыши споро заработали коленками и руками, доползли до кубиков и точно выбрали «А».

– Ты их читать научил? – поразились Тамара Ивановна.

Зина рассмеялась, подхватила детей и поцеловала.

– Ага, вы думаете, – говорил Петров, глядя на нее, – что кубики с буквами так отличаются по размеру и цвету от остальных, что выделить их не составляет труда? Ошибаетесь. Эксперимент усложняем.

Он выложил ряд кубиков с буквами.

– Теперь все одинаковые, все с буквами, верно? Ваня, Саня, где наша любимая буква «А»?

Малыши доползли до ряда и точно выбрали нужную букву. Зина поразились. Тамара Ивановна всплеснула руками:

– Ты что же детей мучаешь? Им еще всю жизнь учиться, пусть хоть сейчас отдохнут.

– Тамара Ивановна, с вашей педагогической установкой я не согласен. Губить таланты не позволим. Между прочим, сейчас мы в процессе освоения буквы «М». Номер пока отработан не полностью, но продемонстрировать можем.

* * *

Петров удивлялся тому, как привязался к малышам. Он никогда не был особенно чадолюбив. С двенадцатилетним племянником Димкой он виделся раз в год, когда приезжал к своим в Омск. В промежутках между визитами на родину о племяннике почти не вспоминал. Дети приятелей большого умиления у него не вызывали. Поиграть с ними, ответить на вопросы, поговорить о жизни, пошутить он был не против, если это случалось не часто.

Саня и Ваня неожиданно растревожили в его душе новую область под названием умиление, вползли в нее и прочно обосновались. Петров думал о близнецах, когда ехал в машине, на работе, дома. Он невольно улыбался, вспоминая, как накануне они научились снимать штанишки: дергали друг друга за лямки на плечах, становились на четвереньки и

быстро сучили ножками, пока не съезжали ползунки. Потом, довольные, смотрели на взрослых, разводили ручки в стороны с восклицанием вроде «Опа!». Еще Ваня и Саня устраивали потешные певческие дуэты: тянули на распев слоги «ба-на-ва-па», каждый свою партию, и периодически с громким шлепком захлопывали рты ладошками.

Петров удивлялся тому, что когда-то они казались ему совершенно одинаковыми, теперь он был полностью согласен с Зиной – лица у детей разные. Он уже не страшился брать их на руки. Подбрасывал их к потолку, кружил по комнате, изображая самолет. Самолет то падал, то набирал высоту, то выделял замысловатые петли. И все это сопровождалось веселым гиканьем детей и бурными воплями самого Петрова.

Он уходил от них с желанием увидеть завтра их пытливые глазенки, придумать новую забаву, услышать залиvistый смех, от которого душа словно умывалась.

– Знаешь, я была не права, – как-то сказала Зина.

– В чем? – спросил Петров. – Стоп, остановка. На пути салун. Надо выпить по рюмочке рома.

Малыши сидели у него верхом на коленках, скакали и изображали ковбоев.

– В том, что ты не похож на человека, имеющего детей. Павел, тебе надо завести семью и родить малышей. Из тебя получится замечательный отец.

– Зиночка, где я найду такую красивую, такую славную женщину и мать, как ты? С дырками на платье и других предметах туалета?

– Где у меня дырки? Я с перепугу даже все петли зашила. А ты цены себе не знаешь. Твоя жена будет счастливой женщиной.

– Если мне понадобятся письменные рекомендации, – отшутился Павел, – обещай, что ты мне их выдашь.

Можно изредка посещать цирк или театр. Бегать по кругу стадиона тоже полезно. Но превращать свою жизнь в аттракцион, уподобляться белке в колесе – на это Петров был не согласен.

После памятного обмена лобызанием рук в общении Павла и Зины появились новые мотивы. Петров говорил Зине полукомплименты-полунасмешки. Она воспринимала их с полупризнательностью и притворной обидой. Они подтрунивали друг над другом, не опасаясь насмешливого флирта – тылы оставались надежными. В их отношениях не было цветаевской высокой эмоциональности – «спасибо вам, что вы больны не мной», – скорее уж насмешливое пушкинское – «от делать нечего, друзья».

Когда Зина окончательно выздоровела, распрощались с Тamarой Ивановной. Петров стал реже приходить к соседям, но раз-два в неделю к ним заглядывал. Зина и малыши ему радовались.

Глава 2

Игорь нагрязнул неожиданно. Он не стал звонить из Североморска, когда их лодка пришла на базу, – хотел сделать сюрприз.

Зина повисла у него на шее и боялась отпустить, словно он мог раствориться в воздухе.

– Вот моя любимая женушка, – целовал ее муж. – А где мои замечательные сыновья?

– Пойдем, – потянула его в комнату Зина, – нет, разденься, конечно. Ты сейчас скажешь, как они выросли. Знаешь, у нас столько всякого было!

Она говорила и говорила, не могла остановиться. Много дней она мысленно разговаривала с мужем, пересказывала свои заботы, делилась планами.

И теперь, когда он наконец приехал, Зина обрушила на него поток пережитого. Она рассказывала, как росли дети, как появлялись у них новые жесты и привычки, как она болела и как нуждалась. Едва ли не в каждой фразе Зина упоминала соседа, который помог в одном, сделал другое и третье.

– Я вас обязательно познакомлю. Он замечательный человек. Если бы не Павел! Как мы бы выкрутились?

Игорю не по душе был восторг, с которым жена говорила о постороннем мужике. Кроме того, она вообще не спрашивала о его делах, о тяжелом походе, о товарищах. Зина заметила, что Игорь слушает ее вполуха и на лице его легкое недовольство.

– Что же я все болтаю? – остановила она себя. – Это от радости. Ох, как я соскучилась, Игорек. Мы теперь замечательно заживем, мы теперь все вместе.

* * *

Игорь к факту своего отцовства относился с гордостью. Так же он гордился бы хорошим мотоциклом или катером. «У меня двое сыновей!» – звучит, черт подери. Но, в отличие от мотоцикла, детьми лучше хвастаться на расстоянии. Младенцы вблизи – это маленькие крикливые создания, которые ежеминутно требуют внимания и заботы. Они желают, чтобы жизнь твоя уходила в песок, чтобы ты стал тупым механизмом по их обслуживанию. Сходить в магазин, покормить, искупать, посадить на горшок, переодеть, вынести на улицу, уложить спать – этому не было конца.

Близнецы превратили Зину в работа с часовым заводом. В глазах жены Игорь видел тревогу и беспокойство за детей. О том, что он тоже нуждается в заботе и веселом отдыхе, жена не задумывалась.

Одно из приятных составляющих их недолгого брака – Зинино восторженное восхищение мужем – почти сошло на нет. Чтобы снова запрыгали в ее глазах искорки, надо было применять силу – обнимать, ласкать ее. И оттаивала она не так, как прежде, не сразу. Он целовал жену и чувствовал, что она планирует расходы, или думает, что приготовить детям на ужин, или вспоминает, повесила ли белье сушиться.

* * *

Через несколько дней после приезда мужа Зина пригласила Петрова вечером на чай. Игорь избавился от настороженного отношения к соседу, когда Зина показала ему расписку. Ничего не сказав жене, он только ухмыльнулся, но про себя отметил положительные моменты. Во-первых, формальности были соблюдены и платить долги в скором времени не

придется. Во-вторых, этот богатый мужик выставил себя крохобором (младенцам деньги под проценты!), а жмотов Игорь презирал.

Они сидели на кухне. Петров слушал рассказы Игоря о службе, задавал вопросы. Зина впервые видела соседа спокойным и серьезным. Он бывал усталым, замотанным, чаще – насмешливым и дурашливым. А вот такой – корректно вежливый – он на работе, наверное. Сейчас Петров выглядел старше своих тридцати, солидный интеллигентный дяденька. Павел не острил, не говорил Зине забавных комплиментов. От ее попыток внести в разговор доверительность и дружескую теплоту мягко уходил, переводя разговор на другое, на то, что интересно Игорю.

– Помнишь, как Ваня забрался под стол, заснул там и мы не могли его найти? – спрашивала Зина. – А как мы анализы в баночки собирали?

– Да, помню, – кивал Петров. – Игорь, гигантские доки, вырубленные в скалах для подводных лодок в Мурманске, действительно взорвали по требованию американцев? Или это газетная утка?

Зине было досадно, что она не может показать мужу настоящего Петрова. А обоим мужчинам претили ее старания смешать их в дружеско-семейную кучу.

Игорю Петров показался скучным чинушей. Конечно, он богат, сыт, наверное, умен, но выполз этот старик из душевых кабинетов, куда Игоря не заманишь ни за какие деньги.

Петрова разговор с морячком совсем не занимал. Несколько лет назад, чтобы отмазать молодых сотрудников от армии, они с военными заключили негласное соглашение, оборудовали электроникой несколько установок во Владивостоке. Петров летал туда, познакомился с руководством Дальневосточного флота, ему показали много интересного. Рассказы же Игоря – байки штафирки.

Под началом Петрова работало много сверстников Игоря. Пять—десять лет разницы, а другое поколение. Ребята раскованны, весь мир для них был открыт, понятен и интересен, да что там мир – Вселенная! Они не знали «железных занавесов» ни на границе государства, ни в своем сознании. Они легко впитывали знания, осваивали новые технологии, играючи покрывали расстояния, которые Петров в свое время преодолевал с мокрыми подмышками. Впрочем, то были, конечно, лучшие представители двадцатилетних. А Игорь к ним не относится.

«Провинциальный петушок, – оценил его Петров. – Носится по двору, гребешок от ветра трепыхается. Но смазлив. Бабам, наверное, нравится. Вон как Зина расцвела с его приездом».

* * *

Петров не подал виду, но его поразила перемена, происшедшая с Зиной. Она и так была недурна собой, а теперь стала просто красавицей.

Однажды маленькая сестра Петрова вылила на себя флакон маминых духов. И как ее ни мыли, она ходила окруженная пахучим облаком и тянула за собой шлейф «Ландыша серебристого». С Зиной произошло нечто подобное. Вокруг нее Петров ощущал ауру счастья и любви. Повезло нырятьщику. Петров не мог припомнить, чтобы факт его собственного присутствия превращал какую-нибудь женщину в излучатель любовной энергии.

«Как тебе Игорь? Правда, замечательный?» – спрашивала его Зина взглядом. Петров слегка кивал и глазами соглашался: «Нормальный мужик».

«Нормальная серость, – думал он про себя. – Еще пять минут посижу, и можно смазываться».

Заплакали дети, и Зина принесла их на кухню.

Увидев Петрова, Ваня потянулся к нему, обнял за шею и ласково прижался. Саня тоже полез на руки к Петрову. Отцу они внимания не оказывали.

Впервые за весь вечер лицо Петрова оживилось.

Он соскучился без близнецов. Вместе они исполнили скачку ковбоев, потом песню «Про капусту».

Петров пел строчку:

– Облетели листья, тра-та-та-та-та...

Дети вместе с ним тарабанили ложками по столу.

– Отцвела капуста, тра-та-та-та-та... Стучим, братцы. Навсегда увяло половое чувство, тра-та-та-та-та.

У малышей получалось в такт почти каждый раз.

– Теперь, орлы, пришло время! По старой привычке, обчистить дяде карманы.

Он оттопырил карманы брюк, малыши запустили туда ручки и вытащили по леденцу на палочке.

– Если наши дети вырастут блатными воришками, – улыбаясь, сказала Зина, – в этом будет твоя вина.

– А если их посадят, – подхватил Игорь, – кто же тебе долг отдаст?

Петров не ответил и глаза не поднял. В его взгляде Игорь мог бы легко прочитать себе характеристику, укладывающуюся в одно емкое, хотя и нецензурное слово.

* * *

В фирме «Класс», по примеру зарубежных партнеров, в конце года устраивали каникулы. Отдыхали от католического до православного Рождества, с двадцать пятого декабря по восьмое января. Петров уехал к родным в Омск, собирался встретиться с ними Новый год, а потом махнуть на горнолыжный курорт в Альпах.

Зина планировала веселую встречу Нового года.

Она сделала пестрые колпачки для сыновей, маску Деда Мороза с бородой из ваты для Игоря и корону, обклеенную елочной мишурой, себе. Но Валя попросила отпустить ее на новогоднюю ночь в молодежную компанию. О том, чтобы отказать ей, не могло быть и речи: молоденькая девушка и так вела образ жизни затворницы и сиделки. Зина с детьми и мужем поехали к бабушке.

Более тоскливой встречи Нового года в жизни Игоря не было. В одной комнате с малышами и больной старухой – даже телевизор громче не включить.

Он представлял, как веселятся сейчас ребята в офицерском общежитии. Там никто не считает, сколько рюмок ты выпил, там не хнычут дети и не стонут прикованные к постели инвалиды. Зина, успокаивая детей, прилегла к ним на краешек дивана и уснула, а ему даже некуда было приткнуться.

Игорь сидел на кухне с сигаретой, допивал вино и мрачно размышлял о том, что жизнь загнала его в ловушку. К его любви к Зине с самого начала примешивалось чувство гордости – его выбрала столичная девушка, тонкая, аристократичная, с загадочным налетом благородного воспитания. К тому же – художница, у нее дома несколько толстых папок набиты акварельными этюдами. Но при близком рассмотрении Зина оказалась в общем-то обыкновенной. Несовременной – ей и в голову не пришло сделать аборт, когда она нелепо залетела. Потатила его в ЗАГС. А что ему оставалось? Хотя, с другой стороны, Москва, столица... Мама уговаривала: ты не признавай, что твой ребенок. Но Игорь не захотел быть подлецом и стал отцом – в рифму получилось. Вино кончилось. Получилось – кончилось, опять складно. Нет, ну почему он должен за свое благородство страдать? Зинка повесила на него семейные

цепи и ждет, что он с восторгом будет их таскать. А жить когда? Приятель Гиви, азербайджанец, говорит, что их женщины знают свое место. Надо Зинку тоже поставить...

Игорь заснул, положив голову на кухонный стол.

Они стали ссориться. Мелко, неприятно, самое обидное – из-за денег. Каждый раз, отправляясь в магазин, Игорь делал покупки, которые подрывали и без того скудный бюджет.

– Зачем ты купил импортные яблоки? – возмущалась Зина. – Я же тебе говорила, у метро молдавские, в два раза дешевле.

– Полгода фруктов не видел и столько же не увижу, могу себе позволить не есть гнилье?

– Разве ты не детям фрукты принес? Между прочим, я тоже себе во всем отказываю.

Игорь, опять вино? У нас осталось всего триста рублей. Как мы будем без тебя жить?

– Моя зарплата за три месяца в твоём распоряжении.

– Но ее же нет! И неизвестно, когда выплатят, а у нас столько дыр!

«Как он не понимает, – поражалась Зина. – Детям нужно купить одежду на весну. У меня нет сапог. А если я снова заболею? А детское питание?»

«Хорошо ей рассуждать, – злился Игорь, – сидит тут в тепле, в трехкомнатной квартире со всеми удобствами. Не представляет, вернее, представить не хочет, каково провести несколько месяцев в закупоренной лодке. Мне хочется пожить по-человечески. Я ей не нянька и не подавальщик. Знала бы, как другие ребята время на берегу проводят».

– Займи деньги под мою зарплату, – предлагал Игорь.

– У кого? Почему ты не можешь попросить у своих родителей?

– Не трогай их.

Родители Игоря считали, что их единственного сына окрутила столичная финтифлюшка, и ничего не хотели слышать ни о Зине, ни о внуках. Они были сравнительно молоды и взваливать на себя проблемы новой семьи не хотели – еще хорошо помнили такие же собственные. Игорь не передавал жене характеристики, которыми ее награждали. Зина недоумевала:

– Но это же наши родители, бабушка с бабушкой! Почему они нас бросили? Я не понимаю.

– Ты многого не понимаешь!

– А ты? Понимаешь, что нас ждет впереди?

Они не заметили, как, обмениваясь упреками, повысили голос, едва не кричали. Зина опомнилась первой и расстроилась до слез. Что с ними происходит? Куда подевалась легкость и теплота в их отношениях? Откуда лезут раздражение, брань, обиды?

– Игорек, милый, родной! Что с нами происходит?

– Вот ты и подумай, что с тобой происходит. Какая из тебя офицерская жена и верный товарищ!

* * *

Значит, она плохая жена. А думала: очень хорошая, ведь она любит его. Так бывало с этюдами. Напишет пейзаж – кажется, красиво, талантливо, а преподаватель потом найдет двадцать пять ошибок: и в композиции, и в подборе красок, и в пропорциях. Тройка с минусом и никаких восторгов.

Игорь постоянно в дурном расположении духа.

Она пилит его, как зануда, не может понять его отношения к жизни. Муж обеспечивает семью, на нем масса обязанностей и забот, а она пальцем не пошевелила, чтобы скрасить его отпуск. Они ни разу не были в кино или в театре, даже на выставку не ходили. Единственный раз выбрались из дому на Новый год к бабушке, и там она заснула, бросив Игоря одного на кухне.

Надо устроить вечеринку, решила Зина. Черт с ними, с деньгами. Игорь любит застолье, веселые компании.

Он действительно обрадовался ее предложению. Хорошо, что Зина перестала жадничать и вбуравливать в него бесконечные «надо» – одумалась наконец.

Они обсуждали, кого пригласить, – получилось больше десятка людей, что купить – решили не скупиться на закуски и напитки, отнести в ломбард украшения Зининой мамы и на эти деньги кутнуть.

Но тут, как назло, приболели дети. Сначала у Сани, потом у Вани потекли из носов прозрачные ручейки, поднялась температура, малыши все время просились на руки.

Досада, с которой переживал рухнувшие планы Игорь, поразила Зину – он обижался на детей! Смотрел на них как на постылых, брал на руки с раздражением, не отзывался сразу на плач, а выжидал долгую паузу, потом нехотя вставал от телевизора и брел в детскую.

«Это мне только кажется, – убеждала себя Зина, – он их любит еще больше, чем я, ведь он отец. Просто устал от домашней круговерти. Я привыкла, а ему тяжело. Вот и не отдохнул, бедный, после похода».

– Давай все-таки позовем гостей, – убеждала она мужа. – Пригласим на ужин Петрова и его девушку. Видел бы ты ее – потрясающе красивая.

– Как хочешь, – пожал плечами Игорь.

У него не было приятелей в Москве. Только знакомые – те, с кем он общался на собственной свадьбе, друзья Зины. Невозможность куда-нибудь и к кому-нибудь податься более всего омрачала жизнь Игоря в столице.

* * *

Петров выглядел отлично.

– Отдохнувший, загоревший, – отметила Зина. – Можешь рекламировать маргарин на телевидении.

– Благодарствую. Спасибо, что не памперсы.

Петров зашел к соседям через несколько дней после отпуска, принес подарок малышам – детский конструктор. Он купил им еще два симпатичных стеганых комбинезона, стилизованных под горнолыжные костюмы, – не удержался. Видимо, подхватил от Потапыча манию закупки детских вещей. Но костюмчики решил отдать после отъезда Игоря. Участие Петрова в делах этой семьи могло выглядеть навязчивым. На месте Игоря он бы давно послал всех благодетелей к чертовой бабушке, и дорогу обратно они забыли бы на всю оставшуюся жизнь.

– Ты не хвораешь? – спросил он Зину.

Ее любовная аура заметно потускнела, если не сказать, потухла. Между бровями появилась морщинка. Морячок, судя по всему, оказался не на высоте. Или наоборот – на такой высоте, что замучил женщину любовными утехами до тоски во взоре.

– Дети немного приболели, – ответила Зина, – а со мной порядок. Павел, мы хотели пригласить тебя на ужин.

– О нет, извини. Сейчас столько работы, что не вырваться. Ты Козлову звонила? Он смотрел ребят?

– Я вызывала участкового врача. У них небольшая простуда. Игорь долго гулял с ними, а был сильный ветер.

«Твоему Игорю я бы даже собаку не доверил выгуливать», – подумал Петров.

– Я тебя очень прошу, – Зина взяла его за руку, – приходи, пожалуйста, со своей девушкой в пятницу. Понимаешь, мы сидим дома как сычи. Хотели друзей пригласить, но вот дети

заболели. Нет, – смутилась Зина, – ты не подумай, что я тебя только поэтому приглашаю. Просто дети тебя любят и раздражать, мешать не будут. Может быть, тебе удобнее в субботу?

«Все-таки не на высоте оказался морячок», – заключил Петров.

Его совершенно не радовала перспектива провести вечер в обществе надежды русского флота.

Но Зина смотрела просительно и не отпускала руку, пока он не ответил.

– Давай договоримся так. Если получится, мы придем, если не сможем, ты не обижайся, ладно?

Петров был уверен, что Леночка – больше ему звать было некого, не Таисию же приглашать – откажется, и тогда он позвонит Зине, сошлется на неотложные дела. Его совесть будет спокойна, а время не убито даром.

* * *

Но Леночка с удовольствием согласилась пойти с ним в гости, чем привела Петрова в изумление.

– Это далеко не светский раут, – пытался он запугать девушку.

– Конечно, я понимаю, молодая семья, маленькие дети. Соседи, говоришь?

– Да. Надо поддерживать отношения, чтобы тараканов под дверь не запустили. Хотя...

– Петров, ты меня пригласил?

– Пригласил.

– Почему теперь хвостом задний ход расчищаешь?

– Ничего подобного.

– Ты думал, откажусь? А теперь не знаешь, что со мной делать?

Петров внутренне поразился ее пронизательности, но виду не подал:

– Что ты! Я онемел от счастья. Надо какие-то подарки купить. У тебя есть идеи?

– У меня есть вдохновение. Обожаю делать подарки, особенно когда плачу за них не из своего кармана.

* * *

Передвигаясь с Леночкой по улицам и в магазинах, Петров чувствовал себя партнером в фигурном катании. Народ пялился на его спутницу и только через некоторое время обращал внимание на него – кто, мол, там осуществляет поддержки? Его забавляли взгляды – от завистливых до недоуменных, – которыми его награждали.

В отделе игрушек «Детского мира» его настроение улучшилось. Похоже, он приобрел новое хобби. Они долго спорили, на чем остановиться. Лена предлагала купить двух огромных рыжих львов.

– Большие игрушки – это прелесть, – убеждала она. – Я в детстве о таких мечтала. Дети будут по ним ползать, забираться в гриву, в уши, может быть, даже под хвост заглядывать. Давай сами посмотрим. Отлично, никакого натурализма.

– Глупости, – возражал Петров, – ворса надерут и забьют себе глаза и нос. Кроме того, львы из искусственного меха, от разрядов статического электричества Ваню и Саню будет подбрасывать. Животные полкомнаты займут. Надо купить железную дорогу с паровозами.

– Ты читать умеешь? Здесь же ясно сказано: «Детям от семи лет». И пять квадратных метров – не полкомнаты?

В итоге они сошлись на двух лошадках-качалках. Купили еще большой букет цветов, коробку в виде ларца с фигурным шоколадом и бутылку виски.

Увидев в дверях Лену рядом с загруженным лошадьми Петровым, Зина на секунду оторопела. Она ждала Таисию. Но вместо яркой брюнетки прибыла не менее яркая блондинка.

Когда все перезнакомились, Зина шепнула Петрову:

– Ты девушек выбираешь в шахматном порядке: черненькая, беленькая?

– Точно, – так же тихо ответил он, – если когда-нибудь собьюсь, поправь меня, напомни о системе.

Петров впервые видел Зину не в халатике, не в ночной рубашке или в джинсах. На ней было строгое темно-зеленое платье, очень простое – глухой ворот, длинные узкие рукава, чуть расклешенная юбка до середины икр – никаких складочек, оборочек или других портняжных ухищрений. Но в этой простоте было столько изящества, так выгодно оно подчеркивало стройную фигуру, что Петров подумал: «С ней тоже можно выходить на лед».

«Классное платье, – оценила мысленно Леночка, – но я бы надела небольшое ожерелье».

Зина носила с платьем мамы жемчужные бусы. Сейчас они поселились в ломбарде.

Русые волосы, уложенные мягкими короткими волнами (Зина сделала стрижку), и легкий макияж высветили, подчеркнули ее глаза – зеленые, близкие по тону к цвету платья.

– Что вам предложить в качестве аперитива? – спросила Зина.

Увидев Лену, Игорь напрочь забыл об обязанностях хозяина: подобные девицы не ходят по улицам, не ездят в общественном транспорте и уж тем более не приходят запросто в гости. Они царствуют на экранах телевизоров, на обложках журналов, на эстрадных сценах. Высокая, почти одного с ним роста и на полголовы выше Петрова. Что она нашла в этом приземистом индюке? Деньги... Лицо у Леночки – икнуть и задохнуться. Ноги растут от подмышек, пальцы тонкие, длинные. Она, чертовка, наверняка ими такое выделять умеет...

– Можно я сразу покажу Леночке детей? – попросил Петров.

– Конечно, только не трясина и не кувыркай их, – ответила Зина. – Они еще не совсем здоровы. Идите в детскую, а мы с Игорем тут закончим.

Через несколько минут она принесла две бутылочки с молоком.

– Ты умеешь кормить детей? – без особой надежды спросил Петров Леночку, когда Зина вышла. – Посиди тихо, я сам справлюсь.

– Представь себе, умею. Сестра на двенадцать лет меня младше. Благодаря ей у меня было счастливое детство.

Леночка действительно ловко управлялась с малышами. Дети заснули у них на руках.

Зина накрыла круглый стол в углу большой комнаты белой кружевной скатертью до пола. Сверху постелила красную квадратную салфетку.

– Как в лучших домах, – оценила Леночка.

У цветов, которые принесли гости, Зина отрезала длинные ножки и соорудила изящную композицию в низкой продолговатой вазе. Ваза красовалась в центре стола, по бокам – два маленьких подсвечника с витыми свечами. Старинная посуда и хрусталь, серебряные приборы, туго накрахмаленные салфетки, заправленные в кольца, – Петров едва не сказал, что надо было предупредить, он надел бы фрак.

В комнате, где вечно трепыхались мокрые пеленки, умели, оказывается, создавать изысканную обстановку. А ветошь затюканной многодетной матери скрывала выпускницу пансиона благородных девиц. Вот только мужа она себе выбрала не в пажеском корпусе.

Игорь справился с оторопью, которую вызвала у него гостья, в той степени, чтобы не демонстрировать восхищение слишком явно. Но и Леночка, и Петров видели, как он возбужден. Даже когда он не смотрел на сидящую рядом девушку, его ухо локатором прощупывало пространство слева. Жена ничего не замечала.

Случись мировой чемпионат по скоростному витью веревок из мужиков, Леночке не было бы равных. Петров знал, как умеет она лукавыми взглядами из-под приспущенных ресниц, кокетливыми улыбочками и ужимками довести мужика до белого каления. А потом опрокидывать на него ушат ледяной воды: что это вы, сударь, вообразили? Подберите слюни и купите другой одеколон – куриным пометом разит.

Петров с удовольствием бы посмотрел, как она проделает садистский фортель с Игорем. И испортит вечер Зине.

Он обнял Леночку за плечи, прижал к себе, поцеловал в висок и тихо приказал:

– Когти не выпускать!

– Ах, милый, – проворковала Леночка, – ты изомнешь мне прическу.

Со стороны это выглядело прилюдной нежностью влюбленных. Игорь тихо скрипнул зубами. Зина удержала ревнивый вздох.

Разговор шел о детях. Тема вполне устраивала Петрова, так как Зина о своих малышах могла говорить бесконечно. Леночка вспомнила смешные истории из бытности няньки при младшей сестре. Только Игорь скучал. Он пытался блеснуть остроумием, рассказывая о службе на подводной лодке. Но большинство забавных происшествий не годились для женских ушей, да и рассказчик из него был неважный. Гости деликатно улыбались там, где Игорь ожидал гомерического хохота.

– Скажите, Игорь, психологический синдром моряка все переживают? – спросила Леночка. – Не знаете, что это такое?

Леночка пояснила на примере своего двоюродного брата. Он служит в торговом флоте и сходит на берег два раза в год. Сорит деньгами, кутит, одаривает подарками – словом, превращает жизнь в феерический праздник. Родственники его обожают, а жена собирается на развод подавать. Кузен привык, что на судне все делается само собой, по режиму и без напряжения с его стороны: обед подадут, посуду помогут, палубу надроят, кино вечером покажут. Из года в год его обязанности во время вахты неизменны и потому необременительны. А на берегу – гудеж и веселье.

«Как рецидивист после тюрьмы и сорванной кассы», – подумал Петров.

– Жена, – рассказывала Лена, – естественно, хочет, чтобы он проявлял хоть толику инициативы и сноровки. Но для него вызвать сантехника из ЖЭКа – проблема, в очереди за картошкой отстоять – проблема, ходить с какими-то бумагами по инстанциям – вообще катастрофа. Он просто разучился разговаривать с людьми. Он даже городского транспорта избегает, потому что не знает, как проезд оплачивать, боится оконфузиться. Вот такой синдромчик, – заключила Леночка.

– Это уж слишком, – хмыкнул Игорь, – конечно, отвыкаешь от штатской жизни, но чтобы таким беспомощным себя чувствовать, я не знаю.

– Я знаю, – рассмеялась Зина. – У меня точно эта болезнь. За год настолько выключилась из человеческих отношений, что, когда пришла пособие на детей оформлять, чиновники меня в два счета затюкали, я даже разревелась в коридоре.

– Ничего, – успокоил ее Игорь, – походишь по кабинетам, быстро восстановишься.

«Ну ты-то горазд жену тренировать», – подумал Петров.

Заговорили о жизни военных, о том, как несладко переезжать с места на место, трудно получить квартиру, найти женам работу.

– В Североморске я могу весь срок прослужить, – сообщил Игорь. – Меня там обстановка устраивает. Конечно, площадь не дают. Но ведь мы можем эту квартиру продать, а в Мурманске, например, купить. Еще и останется.

«Ах ты, альфонс недоделанный! – мысленно возмутился Петров. – Квартира тебе понадобилась! Для тебя она квартира, а для Зины – дом ее родителей. На косяке дверей до сих пор зарубки, рост дочерей отмечали. Неужели Зина пойдет на это? Нет, не похоже».

Зина, опустив голову, ковыряла вилкой в тарелке.

Она впервые слышала о планах Игоря на квартиру: очевидно, идея пришла ему в голову недавно. Потом она объяснит мужу, что не может продать дом, где жила с папой и мамой. Эта квартира – часть ее самой и должна стать родной для детей. Игорь поторопился, он поймет, не будет настаивать.

– Давайте потанцуем, – предложила Зина.

Игорь с готовностью вскочил из-за стола и пошел ставить кассету.

– Мы ребят не разбудим? – озабоченно спросил Петров.

– Если разбудим, – поддержала хозяйку Леночка, – ты пойдешь их укачивать. Помоему, у тебя здорово получается.

Петров с улыбкой наблюдал, как соблазнительно двигаются в быстром танце гибкие фигуры девушек. Игорь не мог отвести взгляда от Леночки. В сравнении с Зиной она танцевала более раскованно, в круговых покачиваниях бедрами, на которые она положила растопыренные пальцы, было что-то от шоу стриптизерши. Короткая узкая юбка Леночки ползла вверх, и, когда казалось, что еще миллиметр и восхищенные зрители увидят трусики, Леночка медленно сдвигала подол вниз на три сантиметра. Через минуту она повторяла это движение, вызывавшее у Игоря нервное сглатывание.

Заиграла медленная музыка. Петров пригласил Леночку.

– Не жалеешь, что пришла сюда? – спросил он, поглаживая ее спину.

– Напротив, должна тебя поблагодарить. Петров, не волнуйся, я буду себя хорошо вести.

– Я волнуюсь только о том, что ты не захочешь попробовать, какой замечательный кофе я варю по утрам.

Началась другая песня, и они обменялись партнерами.

Зина задала Петрову тот же вопрос, что и он Леночке.

– Если ты не жалеешь, что нас пригласила, то все отлично. Зина, сколько ты вешишь? У меня такое ощущение, что тебя можно поднять одним мизинцем.

– Поэтому ты едва дотрагиваешься до меня? – рассмеялась Зина. – Павел, во мне пятьдесят килограммов костей, мяса и глупых мыслей.

– Представляю твои глупые мысли. Знала бы ты, что мне лезет в голову.

– Знаю. Ты ревнуешь Леночку. И совершенно напрасно, Игорь не ловелас.

Петров быстро посмотрел на соседнюю пару. Леночка, как и обещала, вела себя прилично: между ней и Игорем можно было просунуть ладонь... ребром.

– То, что он верный муж, видно невооруженным глазом. Но главное, ты, Зинаида, за ним как за каменной стеной.

Петров надеялся, что иронии в его голосе она не услышала.

* * *

Леночка осталась у Петрова. Все было хорошо, даже прекрасно. Но проснулся Петров рано и в самом скверном расположении духа. Он злился из-за того, что никак не мог отогнать от себя мысль: «Водолаз за стеной настрогает Зине еще одного ребенка. Тогда у нее точно все зубы вывалятся».

– Да пусть хоть облысеет! – сказал он вслух, стоя под острыми струями душа. – Какое мне дело?

«С чего я привязался к чужому семейству, – спрашивал себя Петров. – Наверное, пробили биологические часы. Надо жениться, рожать детей. Прямо сейчас займусь этим с Леночкой. Нет, не займусь. Японский городской, совершенно не хочется. Я превращаюсь в

старого приживальщика. К чертям собачьим! Стянуть с голой Леночки одеяло – и все станет на свои места».

Но Петров пошел не в комнату, а на кухню – готовить завтрак.

Они сидели за маленьким обеденным столом.

Леночка убрала пышные волосы в пучок на макушке, смыла косметику. В белой рубашке Петрова она смотрелась по-домашнему мило и уютно. Петров изо всех сил старался не показать своего плохого настроения. Он шутил, кормил ее с ложечки.

– Петров, женись на мне, – вдруг сказала Леночка. – Я тебе рожу таких же замечательных близнецов.

Вначале он решил, что она дурачится, хотел было ответить ироничным согласием, но потом увидел ее глаза, настороженные, застывшие в ожидании, вспомнил ее ночное бормотание – все серьезно. Он растерялся и не мог выдавить из себя ни слова. Кажется, он даже уставился на Леночку с пошлым испугом.

– Ладно, – махнула она рукой, – не дрейфь, я пошутила.

Он видел, как трудно далась ей эти слова. Глаза наполнились слезами, она встала и пошла в ванную, закрылась там.

– Леночка, – царапался Петров в дверь. – Открой. Ты обиделась на меня? Ну извини, пожалуйста. Нам надо все обсудить. Открой дверь. Глупая девочка, ты там плачешь? Я не могу выносить женских слез. Я готов жениться на всякой плачущей женщине от восемнадцати до семидесяти лет. Лен, тебе уже исполнилось восемнадцать? А семьдесят? Ну не обижайся, вылезай оттуда.

– Убирайся к черту! – донеслось из-за двери.

– А где я, по-твоему, нахожусь? Ладно, я жду тебя на кухне, стою на коленях в углу. Ты меня долго не продержишь?

Леночка вернулась через несколько минут. Волосы у нее были мокрые и свисали длинными пружинками.

– У тебя отвратительный шампунь, – сказала она. – А фен есть?

– Есть. Леночка...

Она остановила его, накрыв его губы ладонью. Петров хотел взять ее руку, поцеловать, но она быстро убрала ее.

– Молчи, ни слова, – велела Леночка, – я не могу говорить, вернее, не могу над этим посмеяться. Пока не могу.

«О чем же мы будем беседовать? – подумал Петров. – Вот так положение».

Тему для разговора нашла Леночка, самую неожиданную.

– Ты любишь ее, – заявила она.

– Кого «ее»? – не понял Петров.

– Зину.

– Что за чепуха! – Он рассмеялся. – С чего ты взяла?

– Ты, Петров, на нее смотришь.

– Ага, смотрю. Это аргумент.

– Я знаю все твои взгляды. Ты можешь смотреть на женщину как на пустое место. И на ту же самую женщину через пять минут – так, что ей захочется пощупать платье – не забыла ли она его надеть. Иногда кажется, что твой взгляд сопровождается треском растягивающихся штанов.

– Ну и язычок у тебя! Им можно бриться.

– Петров, ты смотришь на Зину с нежностью. Тебе хочется защитить ее от всего мира, вырыть окоп и никого не подпускать. Словно она какое-то хрупкое сооружение.

– Глупейшие фантазии.

Леночка его не слушала.

– Но, Петров, – в ее голосе появились ядовитые нотки, – ты ведешь себя непорядочно. Помнишь, мы вышли на кухню покурить и я протянула Зине пачку сигарет? Ты выхватил у нее сигарету и выбросил. Ты предъявил права на женщину, когда рядом стоял ее муж! Как это называется?

– Она умирала у меня на руках! Естественное человеческое участие.

– Естественное? – усмехнулась Леночка. – Выходит, завоевать твое сердце можно только на больничной койке? Не знала раньше.

– Еще узнаешь. Леночка, мы с тобой в начале большого пути.

– Не бреди! С одной Зиной я бы, возможно, еще и справилась. Но Зина плюс Ваня и Саня – не осилить. Ты очень к ним привязался. Я не ожидала от тебя чадолюбия. Ты различаешь их, когда родной отец в них путается.

– Но они же совершенно разные!

– Они похожи как два помидора. Дети тебя любят, а ты рядом с ними становишься просто другим человеком. И оттираешь родного отца. Неужели не замечаешь?

– Главное, что не замечает он. Впрочем, неудивительно: он полный кретин.

– Он совершенно нормальный парень. Даже очень симпатичный. Я бы посмотрела на тебя в двадцать три года с двумя младенцами на шее.

– Они на шее у его жены. И я, во всяком случае, не стал бы искать еще местечко на этой шее для себя самого. Все, хватит дурацких разговоров. Иди сюда.

Петров потянул Леночку за руку, усадил к себе на колени. Он взялся за пуговицы рубашки на ее груди, хотел их расстегнуть. Леночка отвела его руки, потом стала тихонько водить подушечками пальцев по его лицу, как бы разглаживая морщинки.

– Если бы ты знал, как мне жаль, как я ей завидую. Не вздумай! – сказала она, почувствовав толчок под бедрами. – Я Христа ради не живу и обмылки не собираю. Постельные утехи отменяются. И смени одеколон – тухлым луком отдает. Где у тебя фен? – спросила она, вставая.

* * *

В жизни Петрова уже была любовь. Большая и светлая – как грипп, тиф или проказа. Исыхая от страсти, он стал скучным, печальным, тупым – больным. Он не мог учиться, читать, смотреть кино, ходить спокойно по улицам – он мог только мечтать об объекте своей любви.

Анна Королева училась в театральном институте, ее родители тоже были артистами. Второкурсник Петров составлял свиту будущей звезды. Аня к нему особых чувств не питала, но держала на поводке.

Петров торчал под ее окнами, провожал с репетиций, немым болваном сидел у них дома. Он видел, что Анины родители редкостно необразованные люди.

Им даже не удавалось талантливо изрекать умные мысли, которые они заучивали для ролей. В семье в основном сплетничали или обсуждали тряпки и всякое материальное барахло. Но это были Анины родители и известные артисты – значит, они были почти святыми. Петров унижался до роли мальчика на побегушках, за один ласковый взгляд, за редкие поцелуи в подъезде готов был верным псом сторожить дверь. Поощрения случались редко, и большей частью он пребывал в мутно-болезненном состоянии.

Выручил Юрка Ровенский. Ничтоже сумняшеся затащил Аню в постель. Петров чудом не убил тогда приятеля и таким же чудом сам остался жить, не покинул мир добровольно. Теперь он с благодарностью назначил бы Ровенскому пожизненную пенсию, если бы тот нуждался.

У Ани Королевой произошли какие-то сбои с обменом веществ: она чудовищно растолстела.

Вздумай Петров сейчас обхватить ее талию, руки бы не сомкнулись, пришлось бы бегать, как вокруг каменной бабы. Подбородок у Ани лежал на груди и венчал пирамиду из жирных бубликов и баранок, в которую превратилось ее тело. Она изредка снималась в кино, играла противных сварливых теток. Однажды Петров столкнулся с ней в гостях у общих знакомых. Манеры у Ани остались прежними – первой красавицы и крушительницы мужских сердец. Ее наряд, ужимки, вульгарное кокетство вызывали неловкость и жалость.

Грешно радоваться чужим несчастьям, но Петров считал, что Аню раздуло в наказание за его поруганные чувства. Когда он видел, как выступает по телевидению ее отец, из которого пытались слепить совесть нации, он только посмеивался. Королев был исключительно хорош в ролях генералов-отцов, родных, благородных милиционеров и исторических государственных деятелей. Теперь он изображал скорбь и боль за народ в образе мудрого пострадавшего интеллигента. На самом деле, Петров это знал точно, Аниного папашу более волновало, какой галстук выбрать к рубашке, пригласят ли его на правительственную дачу декламировать стихи и не потекла ли после ремонта крыши на собственной даче. Но Королеву следовало отдать должное – когда он забывал слова, паузу держал мастерски.

* * *

И теперь Петрову хотят сказать, что его вновь посетило нечто большое и светлое? Новая Аня Королева? Э нет, господа хорошие. Он уже не юноша, вступающий в жизнь, и к садомазохизму не расположен.

У него выработался свой стиль отношений с женщинами. Веселый амурный азарт конкистадора он не променяет на тупую депрессию рогоносца. Пусть его романы длятся недолго, зато еще ни одна женщина не пожелала ему прибавки в весе.

* * *

В ночь перед отъездом мужа у Зины началась истерика. Далеко за полночь они лежали обнявшись, Игорь уже засыпал, а Зина вдруг начала плакать.

– Малыш, что с тобой? – удивился Игорь.

– Ты уезжаешь, я опять останусь одна...

Игорь уговаривал ее, целовал, приносил воду, но Зина плакала все сильнее. Она захлебывалась рыданиями, и его попытки остановить извержение слез приводили к тому, что она заходила еще больше.

Наконец Игорю надоело. Ничего, поплачет и замолкнет. Все женщины плачут. Он отвернулся и заснул.

Зина встала с кровати и пошла на кухню. Сняла с крючка пахнущее кастрюлями полотенце и уткнулась в него. В голову приходили тысячи причин для слез, и каждая вызывала новый приступ рыданий. Нет денег, на что она будет жить? Ей не во что одеться, чтобы выйти на улицу. Бабушка, последний родной человек из взрослых, совсем ослабла. За квартиру и за свет не платили почти год. Давно пора делать ремонт, она живет среди облупившейся краски и осыпавшегося кафеля.

Опять тараканы появились...

«Мы уедем в Мурманск, там летом белые ночи», – пыталась успокоить себя Зина. И тут же вспоминала, что зимой там черные дни, и снова начинала плакать.

Горькие мысли ручейками впадали в большую глубокую реку – Игорь, муж...

Почему он никогда не привезет детям подарка, даже грошовой погремушки? Он купил себе красивый свитер и джинсы, а у Зины одежда вся штопана-перештопана. Он возится с детьми будто по обязанности. Его раздражают домашние проблемы. Но куда от них деться? А она сама? Готова ли слушать Игоря, обсуждать его проблемы? Нет, не готова. Ей хочется другого общения и других разговоров. Пусть не о детях! О книгах, о театре, о живописи – о том, что хоть на миг вернет ее к прежней жизни.

Почему Павел с легкостью и удовольствием делает им подарки? Он состоятельный человек. Но Зина уверена, будь он беден, все равно бы придумал, как доставить им радость. Павлу не скучно с детьми, она ни разу не видела, чтобы он отдал их с гримасой усталости. Конечно, соседу не приходится сидеть с ними столько, сколько Игорю. Но ведь и Зине они не надоедают! Павел обладает поразительной эрудицией и не стесняется признаваться в том, чего не знает. Павел может утешить шуткой, каламбуром, а то и резким окриком.

Павел. Павел, Павел. Петров. Вот что самое пошлое и ужасное. Она думает о постороннем мужчине, она сравнивает его с собственным мужем. Она дрянная женщина, плохая жена, никудышная мать.

Она ревнует Павла к его красоткам, не имея на то никакого права. Преступление для порядочной женщины.

* * *

Петров обещал подвезти Игоря на вокзал. Когда он зашел к ним утром и увидел Зинино лицо, брови его поползли вверх.

– На маскараде ты можешь изображать пареную свеклу без костюма.

– Не твое дело, – огрызнулась Зина. – От тебя муж никогда не уезжал.

– И слава богу. От меня, к счастью, даже жена никогда не уезжала. Игорь, ты готов? Я буду ждать в машине.

Зина обняла мужа. Она прижалась к нему изо всех сил, будто пыталась напитаться его любовью или, напротив, отдать свою энергию, извиниться, защититься.

«Петров будет нервничать, – подумал Игорь. – Вдруг она опять начнет реветь?»

– Все хорошо, – отрывал он от себя жену.

Зина держалась цепко.

– Я приеду при первой возможности. Поход через два месяца, обязательно вырвусь до этого. Ну все, неудобно, человек ждет. А ты подумай насчет квартиры, ладно? Наведи тут справки.

Зина разжала руки. Зачем он опять об этом, да еще при расставании? Она смотрела на мужа и ждала каких-то других слов. Он взялся за ручку двери.

– Ты любишь меня? – спросила Зина.

– Конечно, – быстро ответил Игорь, чмокнул ее в щеку и вышел.

* * *

Они ехали молча. Петров не считал нужным вести светскую беседу – обойдется лейтенант.

Игорь думал о жене и детях. Он оставляет их в трудном положении. «Но что я могу сделать?» Этот вопрос Игорь всегда задавал себе в ситуациях, которые требовали от него решительных поступков. И означал вопрос не «что именно я должен сделать?», а «я ведь ничего не могу сделать!».

Игорь давно усвоил простую истину – все проблемы способны разрешиться без его участия. Худо-бедно, хорошо ли, плохо ли, но все в жизни как-то устраивалось. И если ему не

хотелось проявлять активность, тратить силы и время – то он и не напрягался. В школе преподаватели и родители постоянно твердили, что надо учиться лучше и троичнику не поступить в вуз. Игорь пальцем не пошевелил, чтобы поднять успеваемость. Закончил школу, отец повез его в Севастополь и с помощью старого приятеля затолкнул в военно-морское училище. Выходит, правильно Игорь не насиловал себя, не корпел над учебниками.

Он не виноват, что жалование не выплачивают. В таком положении полстраны, не одна Зина. И он здорово придумал с квартирой. С этими деньгами они бы несколько лет горя не знали. Выход есть, решать должна Зина. Не хочет – пусть сама и расхлебывает.

– Паша, – прервал он молчание. – Зина скоро должна получить мою зарплату. А пока, в общем, у нас напряженка. Ты ей тут не мог бы одолжить немного?

– Без проблем.

– Вот спасибо! – Игорь вздохнул с облегчением.

Сбросив с души камешек, Игорь и думать забыл о семейных проблемах. Его мысли унеслись вперед, к жизни, которая ждала его в Мурманске.

Через несколько дней туда должна приехать мама.

Кажется, он забыл взять фотографии сыновей, чтобы передать родителям. Они до сих пор не видели своих внуков. В конце концов, так ли велика его, Игоря, вина в том, что он стал отцом? «Он не хотел быть подлецом и стал отцом», – пропел он мысленно. Интересно, привезет ли мама деньги, можно ли будет у нее одолжить? Противно сидеть на мели и считать каждую копейку. До приезда мамы можно будет занять у ребят, тогда ей точно придется раскошелиться – она не любит, когда ее сын ходит в должниках.

Они подъехали к вокзалу, Петров затормозил.

– Счастливого пути, – сказал он и протянул руку для прощания.

– Спасибо, что подвез. Передавай Леночке привет. – Игорь почувствовал, что Петров почти не вложил силы в рукопожатие.

– Непременно, – ухмыльнулся Петров. – Ты произвел на нее неизгладимое впечатление.

– Правда? – радостно вспыхнул Игорь.

– Чистая правда, – подтвердил Петров и мысленно обозвал Игоря нецензурным словом, которое у него намертво приклеилось к Зинину мужу.

* * *

Вернувшись домой поздно вечером и увидев свет в окнах соседки, Петров решил заглянуть к ней, движимый исключительно чувством сострадания к детям – проверить, жива ли их трепетная мамаша, не корчится ли в судорогах от горя, расставшись со своим выдающимся супругом.

Зина была жива, только очень бледная. Лицо у нее вытянулось, заострилось.

– Хорошо, что ты зашел, – сказала она. – Дети уже спят. Выпей со мной чаю, ладно? Тоска ужасная, никак не могу взять себя в руки.

Петров кивнул и пошел вслед за ней на кухню.

Он стоял в проеме двери и смотрел, как Зина накрывает на стол. Неожиданно он подошел к ней, обнял худенькие плечи и прижал ее спину к своей груди. Он почувствовал, как испуганно напряглось ее тело. Петров развернул Зину, несколько секунд внимательно смотрел ей в глаза, потом обнял одной рукой за талию, другой за шею. Едва касаясь губами, он по очереди поцеловал ее глаза. Снова посмотрел на нее, Зина век не поднимала.

Он прижался губами к ее губам. Зина не вскинула руки ни чтобы оттолкнуть его, ни чтобы прижаться. Она не сжала губы, защищаясь от поцелуя, но и не шевельнула ими ответно.

Петров оторвался от нее с трудом, словно губы оказались намазаны клеем. Зина смотрела в пол.

«Не хочет показать мне, как ей противно», – подумал Петров.

«Только бы он не увидел, как мне хорошо», – подумала Зина.

Она повела плечами, освобождаясь от его объятий, отошла к окну и выглянула на улицу.

Кошмар! Поцелуй постороннего мужчины – и ее словно пропитали с головы до ног сладким вином. Был сухой кекс, полили ромом – получилась ром-баба. Баба – правильное слово! Пошлая баба!

– Зинаида! – Петров старался, чтобы его слова звучали насмешливо, но голос был предательски низким. – Надеюсь, ты не относишься к тем женщинам, которые из дружеского лобзания делают далеко идущие выводы?

– Не отношусь. Но если ты еще раз...

– Не волнуйся. В мои привычки вовсе не входят подобные методы утешения одиноких жен. Нет, если ты, конечно, попросишь...

– Не попрошу, а ты...

– А я сейчас пойду домой, и чай мне твой не нужен. Завтра зайду, и мы обсудим кое-какие проблемы материального плана. Я обещал твоему мужу взять над вами шефство. Пока.

Хотя предыдущая ночь была бессонной, Зина ворочалась в постели и не могла заснуть. Не могла она и убрать с лица счастливую улыбку. Несколько часов назад она умирала от горя, а сейчас никак не унять радостного возбуждения. Теперь она уже не казалась себе пошлой бабой. Ведь никакого продолжения не было, и они вполне культурно объяснились. Она вспоминала, как Павел обнял ее, как сладко сжалось сердце, как вкусно он целовал ее губы. Кажется, она удержалась и не ответила ему. Какие уютные у него руки! И в каждом движении чувствуется сила, которую он сдерживает и только малую часть переплавляет в нежность.

Нет ничего страшного в том, что она думает о чужом мужчине, убеждала себя Зина. Это как лекарство – лекарство от ее тоски по Игорю. Она подумает, помечтает о Павле еще немножко, чтобы не страдать от разлуки с мужем.

* * *

Петров уходил на работу в девять утра, возвращался после десяти вечера. В субботу он проводил на фирме полдня, потом ехал в спортивный клуб. Все воскресенье, если не шел в гости или не отдыхал после субботних гостей, он валялся на диване с книжкой, смотрел боевики по телевизору, готовил себе вкусную еду.

В эту субботу, играя в теннис, плавая в бассейне и парясь в сауне, Петров размышлял о том, как помочь Зине. Просто ссудить деньгами – не выход. Да и как он это сделает? Придет и скажет: «Вот тебе сумма, а ты мне расписочку черкани от имени Сани и Вани». Или еще лучше: «Возьми деньги и давай с тобой целоваться, мне очень понравилось». Бред.

Человек должен зарабатывать деньги, а не становиться иждивенцем у богатого дяди. Масса дружков юности и детства пытались тянуть из Петрова деньги под сумасшедшие проекты, а то и без оных. Петрову понадобилось некоторое время, чтобы понять – в их глазах он тугой денежный мешок, а впитанные с детства принципы равноправия делают вполне справедливым регулярное запускание рук в этот мешок. Когда он стал отказывать, появились обиды и послышался злобный шепот за спиной.

Совсем по-другому сложилось в семье сестры Татьяны. Ее муж Андрей потерял работу, точнее заработок: машиностроительный завод пыхтел, не закрывался, но денег работникам

не платил. Петров предложил ребятам помощь – ежемесячное довольствие. Андрей тогда рассудил здраво:

– И сколько ты нам будешь алименты присылать?

До следующей перестройки? Лучше займи денег, чтобы я открыл автомастерскую. Стану на ноги – отдам.

Мастерская прогорела, несмотря на то что Андрей работал круглые сутки. Рэкет, налоги, должники, которые искренне клялись заплатить, а потом разводили руками, – словом, Андрей едва сумел прикрыть дело без того, чтобы самому не остаться в минусе.

Тогда Петров организовал в Омске открытие магазина по продаже компьютеров их фирмы. К сожалению, Андрей относился к тем людям, для которых освоить компьютеры даже на примитивно пользовательском уровне оказывалось непосильной задачей. Но тут подключилась Татьяна, она взяла на себя технические проблемы и постепенно смогла вести толковые разговоры с покупателями и давать консультации. Петров только усмехался, когда она, используя семейное положение, звонила ему и кричала в трубку:

– Что вы нам шлете всякое старье? Считаете, в провинции одни чайники?

Андрей занимался хозяйственными делами в магазине, номинально числился директором, и ребята постепенно становились на ноги. Петров встречался с ними на Новый год и искренне радовался, что в глазах сестры и зятя пропало выражение придавленных жизнью неудачников.

Но что придумать для матери двоих маленьких детей, которая весь день крутится как белка в колесе?

Выходя из клуба, он увидел лоток, где торговали воздушными шариками и маленькими баллончиками с каким-то легким газом. Петрову пришла в голову забавная идея.

В воскресенье после обеда он наполнил шарики газом и затолкнул их в комбинезоны, которые купил Ване и Сане. Получились две куклы с растопыренными руками и ногами. Петров взял их на руки так, как берут детей, и позвонил в соседнюю дверь.

– Зинаида, я к тебе с гостями. Примешь? Это мои племянники. Возьми их, пожалуйста, такие тяжелые ребята.

– О, как замечательно! – воскликнула Зина и протянула руки.

Она почти дотронулась до «детей», когда Петров разжал руки и куклы медленно поплыли к потолку.

От неожиданности Зина пронзительно взвизгнула и подпрыгнула, пытаясь схватить «племянников».

– Забыл тебя предупредить – они немного летательные. Черт, надо было веревку привязать. Как теперь их достать? У тебя стремянка есть?

– Павел, шутки у тебя... Такие шутки, я не знаю... – Зина стояла задрав голову и оторопело смотрела на плавающие комбинезоны.

Петров от души смеялся, глядя на ее растерянное лицо. Наконец Зина тоже прыснула и расхохоталась.

Они достали кукол, привязали к ним веревки.

Ване и Сане надувные костюмчики очень понравились. Более всего – отпускать веревочку и заставлять Петрова их доставать. Наконец он привязал «племянников» к ножке стола.

– Какие красивые костюмы, – отметила Зина.

– Ване с Саней тоже, по-моему, понравились.

– Но, Павел... ты нам делаешь столько подарков, что это...

– Зинаида, давай разберемся раз и навсегда. Ты любишь делать подарки? Любишь. Значит, мы оба знаем, что делать подарки не менее, а может, и более приятно, чем их полу-

чать. Ты сама говорила, что мне пора обзаводиться собственными детьми. Но пока достойная кандидатка на роль их матери на горизонте не появилась, не запрещай мне избавляться от комплексов с помощью Вани и Сани. Тебя же я не одариваю? Кроме того, траты эти не составляют и сотой доли моих доходов. Как составят – я буду осмотрительнее. Я вообще жутко прижимистый тип.

– Ты миллионер?

Больше всего Зину обрадовало то, что Петров жениться не собирается.

– Инфляция многих сделала миллионерами, – ушел от ответа Петров. – Костюмчики ребятам подойдут?

– Ты даже себе не представляешь, как они кстати. В тех шапочках, что ты подарил, – размечталась Зина, – да на колясочке импортной... Павел, их могут украсть.

– Береги детей, Зинаида, мне недосуг искать другое семейство для реализации своих комплексов. Чаем напоишь в знак глубокой и искренней благодарности?

Петров расспрашивал Зину о навыках, которые она успела приобрести до того, как стать матерью. Зина ушла в академический отпуск с последнего курса училища прикладной живописи. Она неплохо разбиралась в народных промыслах, но в будущем хотела заняться компьютерной графикой. С ее точки зрения, эта область была одной из самых перспективных. Зина прослушала специальный курс, сделала несколько работ до отпуска, но за неимением компьютера совершенствоваться не могла.

Петров ухватился за первый вариант. У него есть приятель Гришка Ганбегян, редкий пройдоха и прирожденный аферист. Когда-то Петров подрабатывал в Гришкиной команде имитаторов. В маленькой однокомнатной квартире Ганбегян организовал цех по производству африканских и индейских масок. Трое резчиков выстругивали из чурок чудища, Петров вымачивал их в морилке, чтобы они походили на изделия из красного дерева, подсушивал в духовке.

Потом набирал на электрической печатной машинке с латинским алфавитом ценники – придумывал божкам имена. Людям со знанием английского и твердыми моральными принципами лучше было бы те имена не читать. Гришка приклеивал ценники и отвозил товар в комиссионные магазины и к рыночным барыгам.

На вырученные деньги Петров покупал микросхемы и собирал компьютеры. Вскоре сборка ЭВМ стала основным способом зарабатывания денег, и с Гришкой он расстался. Но слышал, что, когда начался матрешечно-ложечный бум, Григорий занял прочные позиции на Арбате и в Измайлове.

Петров пообещал Зине найти Ганбегяна и узнать, не сможет ли она работать у него как художник-надомник.

* * *

Прошла почти неделя. Петров не появлялся и не звонил. Ложась спать, Зина выглядывала в окно – его машины не было. Хотя жениться Петров не собирается, вечера и ночи проводил вне дома. У блондинки и брюнетки по очереди?

Деньги кончались. От бабушкиной пенсии, которую привезла Валя, остались копейки. Через десять дней надо выкупать или перезакладывать мамины украшения в ломбарде. Зина нашла на антресолях три белые деревянные заготовки для ложек и раскрасила их. Краски у нее были, на лак пришлось потратиться. В пятницу утром она позвонила Петрову.

– Здравствуй, Павел. Я тебя отвлеку на минутку.

Помнишь, ты говорил о приятеле, который торгует изделиями якобы народных промыслов? Я сделала несколько образцов. Ты ему не покажешь?

Несколько секунд Петров молчал.

– Зинуля, у нас сейчас новая серия запускается. Мы работаем круглые сутки.

– Ой, извини, пожалуйста, что я пристаю со своими заботами.

– Ты не поняла. Это я, свинья, забыл о тебе. Что ты, говоришь, приготовила? Ложки? Вынеси мне их на порог – ладно? Я уже убегаю.

Зина вышла на площадку. Петров закрывал дверь.

– Где ложки? – спросил он. – На какую цену мне ориентироваться?

– Не знаю. Вот эту я сделала в стиле хохломы, эту – в обобщенно народном, скажем так. А эту – сама придумала орнамент, она несколько оригинальная.

– Понятно. Сколько оно стоит?

– Я не знаю...

– Зинаида, мне некогда антимонии разводить, тороплюсь. Клади их ко мне в портфель и говори цену.

– Если за хохломскую и народную по триста рублей, а за оригинальную пятьсот, я была бы довольна.

– Понятно. Пока. Вечером заскочу. – Петров дружески подмигнул и пошел к лифту.

Вечером он не пришел. И машины его под окнами не было допоздна. Рано утром Зина вставала к детям – машина появилась, но, когда малыши проснулись окончательно, снова исчезла. Каждую свободную минуту Зина подходила к окну, бросалась на телефонные звонки – все напрасно. Петров о ней забыл.

Он пришел поздно вечером, когда она почти убедила себя не ждать и не питать глупых надежд. В руках Павел держал пластиковый пакет с деревянными заготовками.

– Все в порядке, Зинаида. За народный стиль сторговался по пять сотен, – Петров потряс пакетом, – за авторскую работу – по тысяче.

Зина хлопнула в ладоши от радости, издала боевой клич, подпрыгнула на месте и исполнила вращение вроде балетного фуэте. Затем подскочила к Петрову, чмокнула его в щеку, выхватила заготовки и прошлась с ними по комнате сначала в лезгинке, а потом перешла на танец с кастаньетами.

Улыбающийся Петров наблюдал за ней, думая о том, что не ошибся. Хороший работодатель по сравнению со щедрым благодетелем – как заработок и милостыня, как радостный вопль и низкий поклон. Петров бы не возражал, если бы следующим номером танцевальной программы стал танец живота.

Но Зина ударила несколько раз ложками, прислушалась, еще постучала. Подошла к столу, включила лампу и стала внимательно рассматривать заготовки.

– Павел, ничего не понимаю. Твой Григорий назначил очень высокую цену. За пятьсот рублей раскрашенные ложки можно купить в любом магазине.

– Он теперь отправляет товар за границу. В каждой стране я видел в аэропорту киоски с нашими ложками, матрешками, самоварами и платками. Цены аховые. Его рук дело.

– Хорошо. Но почему он прислал такой материал? Сырое дерево! И береза! Через полгода они высохнут и растрескаются.

– Да? Бородатый обманщик! Я тебе говорил, Гришка по натуре аферист. Хлебом не корми – дай кого-нибудь надуть.

– Значит, он может потом не выплатить деньги? – расстроилась Зина.

– Вот на этот счет можешь не волноваться. Меня он не проведет.

– Тогда мы сделаем вот что, – снова воодушевилась Зина. – Я попрошу завтра Валю посидеть с детьми, а сама съезжу на рынок и выберу хороший товар.

– Я тебя отвезу.

– Что ты! Зачем?

– Не спорь. Но не раньше двенадцати – часу дня. Пошел отсыпаться. Если начнется атомная война – передай, что я заранее сдаюсь.

* * *

Зина плохо разбиралась в автомобилях. Обычно, едва захлопывалась дверца, Зине казалось, что ее усадили в жестяную банку на колесах, шумную, дребезжащую и опасную. В машине Петрова ощущения были совсем иные. Удобные сиденья, обтянутые велюром и кожей, стильная приборная доска с дисплеем маленького компьютера, ковер на полу и под цвет ему ткань, которой затянут потолок, – уют и комфорт. Машина двигалась без подпрыгиваний, словно скользила по гладкой поверхности, легко набирала скорость и мягко ее гасила, при обгонах описывала плавные полуокружности.

– Чудная машина, – сказала Зина, – автомобиль двадцать первого века.

– Всего лишь прошлого года, – ответил Петров, – но мне она тоже нравится. Я люблю водить.

– Но почему мы так возвышаемся над всеми? – спросила Зина. – Павел, у тебя комплекс начальника, нравится смотреть сверху вниз?

– Это не самый ужасный из моих недостатков. Машина называется джип. У нее повышенная проходимость, дорожный просвет большой, поэтому подвеска высокая.

Зина не стала уточнять, где в Москве труднопроходимые участки.

* * *

Петров терпеть не мог магазины. Рынки с их толчеей, мельканием лиц торговцев и покупателей – вдвойне. Стоял трескучий мороз, а у Петрова не было зимней шапки. Ее вообще не было – не требовалась при перемещениях от автомобиля к зданиям, как и зимние сапоги. Он бродил за Зиной по рынку и чувствовал, что уши у него остекленели, собираются треснуть и отвалиться.

Обморожение ног также гарантировано. Он купил первую попавшуюся шапку – кроликовый трех. В дорогой темно-коричневой канадской дубленке и в рыжей дешевой ушанке он выглядел так, будто раздевал народ по дороге.

Зина внимательно изучила ассортимент деревянных изделий, их рисунки, технику письма. Потом долго выбирала заготовки. Возвращалась к тем торговцам, у которых уже побывала, придирчиво перебирала каждую деревяшку, копалась в мешках. Чтобы рассмотреть ложку, она снимала тоненькие перчатки, и пальцы ее побелели от холода. Она грела их в карманах, но у следующего прилавка снова снимала перчатки. Петров не мог видеть этого издевательства над нежными конечностями и купил Зине пуховые варежки. Близнецам он подыскал деревянную игрушку: два медведя на подставке дрались, если одновременно двигать штыри под станиной. Зина резонно заметила, что в руках Вани и Сани медведи проживут не более часа. По мнению Петрова, удовольствие того стоило.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.